

Пичурин Л.

Последние дни Николая Клюева

. – Томск : Водолей, 1995. – 95 с.

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой.
Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Горькие мысли охватывают каждого, задумывающегося над крестным путем отечественной поэзии, над горькой судьбой наших поэтов. Печальный герценовский мартиролог, начинающийся повешенным К. Рылеевым, увы, не заканчивается Н. Бестужевым, погибшим на Кавказе после сибирской каторги. Двадцатый век дополнил этот скорбный перечень расстрелянным Н. Гумилевым, покончившими с собой С. Есениным и В. Маяковским, загубленными в тюрьмах и лагерях П. Васильевым, С. Клычковым, Д. Хармсом, О. Мандельштамом и многими, многими другими... Неужели Россия действительно не может признать человека великим, не уничтожив его?

Мучительный этот список неполон без имени Николая Алексеевича Клюева.

Ему, многоликому художнику, поэту-словотворцу, поэту глубоко национальному, признанному вождю новокрестьянской литературы, обладателю истинного таланта, быть может, не повезло в наибольшей степени. С конца двадцатых годов скрытым от большинства читателей оказался не только автор «варварских» стихов, стоящих где-то неподалеку от Л. Мея, И. Никитина, А. Кольцова и даже А. Пушкина, но и сами его стихи. Поклонники В. Маяковского еще знали о каком-то Клюеве, опекавшем Есенина – поэт упомянул об этом в статье «Как делать стихи». Знатоки М. Горького могли обратить внимание на противоречивость горьковских оценок Клюева – «певца мистической сущности крестьянства» и в то же время – человека «весьма даровитого». А в общем-то, рядовой читатель о творчестве Николая Клюева не знал ничего...

Не буду развивать эту тему, замечу только, что если у человека украли что-нибудь из его имущества, то он, как правило, хотя бы приблизительно знает размеры убытка. А если у народа украдут ученого, композитора, художника, поэта, – народ так и останется в

неведении о своем несчастье.
Клюева у нас украли...

* * *

В августе 1988 года «Новый мир» опубликовал подготовленные к печати Г.С. Клычковым и С.И. Субботиным письма Н.А. Клюева из Колпашева и Томска.

О самих письмах – чуть дальше, я буду их неоднократно цитировать, а сейчас несколько слов из комментариев к последнему письму поэта, отправленному в начале мая 1937 года.

«До недавнего времени исходным источником о самых последних днях жизни Клюева была (в отечественной литературе) статья Вл. Орлова «Николай Клюев» («Литературная Россия», 25 ноября 1966 года), в свою очередь восходящая к посмертно опубликованным мемуарам Р.В. Иванова-Разумника «Писательские судьбы» (Нью-Йорк, 1951). Именно из этих работ и берет начало распространенная легенда о смерти поэта на одной из железнодорожных станций от сердечного приступа и об исчезновении бывшего при нем чемодана с рукописями (ср. также: Чивилихин В. Над уровнем моря. Пять повестей. М. 1967, с. 598).»

... Я и до сих пор не очень хорошо представляю как именно возникла «распространенная легенда». У Чивилихина сказано следующее: «А на станции Тайга работал в начале века Г.М. Кржижановский, и на вокзале этой же станции осенью 1937 года умер от разрыва сердца большой и сложный русский поэт Николай Клюев. Его чемодан с рукописями исчез, и пока никто на свете не знает, что написал Клюев в последние годы своей путаной и таинственной жизни». Но у Р.В. Иванова-Разумника об этом сказано иначе: «Отбыв срок ссылки, он получил разрешение выехать в Москву, где должны были определить его дальнейшую участь; в августе 1937 года он выехал из Томска – как он сам писал – «с чемоданом рукописей». По дороге, в вагоне, он скончался от сердечного припадка и похоронен на одной из станций сибирской магистрали; на какой? – друзья не могли дознаться до все того же 1941 года... чемодан с рукописями исчез бесследно...». Откуда Чивилихин взял станцию Тайга? Кому мог писать Клюев в августе 1937 года? Ничего этого в нью-йоркском издании книги Р.В. Иванова-Разумника я не нашел, первого же издания этой книги я не смог увидеть, чему, быть может, помешало место и время первой публикации: Берлин, 1944.

Удивительна и по-своему замечательна биография Н. Клюева, – полная недомолвок и тайн, богатая самыми невероятными легендами, чему при жизни немало способствовал и сам Николай Алексеевич. Мало того, и после его гибели появляются все новые и новые рассказы о поэте, часто далекие от истины, но всегда

доброжелательные, светлые, теплые.

Один из них совсем недавно, уже после публикации документов о гибели Клюева, появился в журнале «Москва»* [Шибеева Н.Ф. И еще версия... «Москва», 1990, №10, с. 203-205]. Оказывается, в 1937 году томский прокурор одновременно получил два распоряжения – расстрелять и освободить Клюева. После бессонной ночи прокурор принял соломоново решение. «Наверх» была отправлена фиктивная справка о расстреле, а Клюева отпустили и он уехал в Ленинград. Но там его вновь арестовали и отправили в Архангельск, где начальник изолятора «достал из кармана галифе наган и в упор выстрелил в Клюева». Все это, разумеется, неправда, хотя бы потому, что в процессе приведения приговора в исполнение прокурор в те времена не участвовал, справок не составлял и никуда ничего не докладывал. Все было гораздо проще и потому – кошмарнее. Но я привожу этот пример как иллюстрацию тому, что люди не хотели и не хотят верить трагической правде и создают вместо нее вымыслы, увы, часто не менее горькие. В отечественной истории тому «мы тьму примеров слышим».

Так что же было с Николаем Алексеевичем Клюевым в Томске?

Комментаторы «Нового мира» далее сообщают об иных свидетельствах и о том, что на их запрос Томский областной архив ЗАГС выдал 1 февраля 1983 года справку, в которой сказано, что «актовая запись о смерти на гр. Клюева Николая Алексеевича за 1937-1941 годы по городскому ЗАГС г. Томска не обнаружена». Заканчивается комментарий словами: «Очевидно, установление точных даты и места его кончины – дело будущего».

К сожалению, почти четверть века литературной общественности не был известен документ, копия которого подшита в «Деле» Клюева:

27 июля 1965 г. 6/2268

Директору Центрального государственного архива литературы и искусства СССР

тов. Волковой Москва, А-212, Ленинградское шоссе, 50

на №14с от 9.7.1965 г.

В хранящихся у нас архивных материалах указано, что при аресте Клюева Николая Алексеевича в 1937 году органами НКВД у него изымалось разных книг 9 штук и рукописи на 10 тетрадных листах. Сведений о судьбе изъятых книг и рукописей не имеется.

До ареста Клюев Н.А. проживал в г. Томске по улице Ачинской, 13. Из старожилов, знающих Клюева Н.А. установлена Гребнева Елизавета Васильевна, проживающая в Томске по ул. Ачинской, дом 4, кв. 2. Погиб Н. А. Клюев 25 октября 1937 года. Посмертно реабилитирован в 1960 году.

Начальник УКГБ

по Томской области

Макогин

... И дата, и место кончины тут указаны, и все это было и до Вл. Орлова, и до В. Чивилихина, и до публикации в «Новом мире», но мне пришлось все начинать сначала...

* * *

В это время меня избрали председателем Совета томского отделения общества «Мемориал». Одной из первых наших задач было установление обстоятельств гибели Н.А. Клюева в Томске. В поисках мне помогали мои ученики и товарищи, и прежде всего бывший мой студент, офицер внутренней службы А.К. Кондратов, сотрудники УКГБ Ю.А. Петрухин и В.Н. Уйманов, активисты «Мемориала», журналисты, просто неравнодушные люди. Впрочем, иногда не только помогали, но и вставляли палки в колеса. Были минуты радости и удовлетворения, были дни, полные горечи, досады и обиды. Было многое, но, наверное, читателю все это не так уж интересно. Расскажу о том, что удалось узнать, лишь иногда вспоминая о том, как и где я это узнавал.

* * *

Первый этап пути русского поэта к его трагической гибели, начавшийся в двадцатых годах гонениями на его творчество, запретом публикаций, распространением сплетен и слухов, завершился в начале 1934 года.

По-видимому, в каком-то из центральных архивов хранятся доносы на Клюева, имеются сведения о не очень благовидной роли Павла Васильева* [Васильев Павел Николаевич (р. в 1910 г.), русский советский поэт, сибиряк, автор поэм «Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Кулаки» и др., очерком и статей. Расстрелян в 1937 году] в судьбе Николая Алексеевича и о звонке редактора «Известий ВЦИК» И.М. Тройского всеильному наркому Генриху Ягоде, звонке, послужившем основанием для обвинения Клюева в преступлении, выходящем за рамки десятого пункта пресловутой 58-й статьи УК РСФСР. Подробности эти очень интересны, многое надо еще искать и уточнять, но все же принципиальной роли все это уже не играет.

Дело в ином. Страна завершила «ликвидацию кулачества как класса», дело шло к уничтожению русской деревни, трагедии крестьянства, да и всего народа. В этом движении крестьянские поэты были лишними, судьба их была предрешена...

2 февраля 1934 года Николай Алексеевич Клюев был арестован в своей московской квартире по Гранатному переулку, 12. Через месяц

слушалось его дело.

* * *

Я не сразу по-настоящему оценил очевидный факт – кроме дела, хранящегося в архиве Томского УКГБ (мне сначала дали выписки из него, потом – копии ряда документов, а затем я познакомился и со всем делом), существуют еще и судебное – оно в Москве, и до него я не сумел добраться, и дело административно-сылного Клюева, хранящееся в архиве Томского УВД.

Это дело первым из томских исследователей судьбы поэта изучил Ю.А. Хардигов, мне же попасть в архив УВД долго не удавалось. Я сначала уже и отказался от попыток познакомиться с делом ссыльного Клюева – такие дела заводились в месте ссылки на каждого осужденного и, как правило, интересных материалов не содержали. Однако публикация Юрия Анатольевича заставила меня проявить настойчивость.* [Хардигов Ю.А. «Кровь моя... связует две эпохи». Наш современник, №12, 1981, с. 179-189] Не без сложностей добился разрешения и, наконец, «Дело №47165», в котором подшито двенадцать страничек, лежало передо мной.

* * *

Первая страница дела – анкета ссыльного, нового для себя я в ней не нашел. Составлена анкета 31 мая 1934 года, это одна из немногих точных дат жизни Николая Алексеевича после 5 марта 1934 года. Подпись под анкетой оказалась знакомой – имя Захара Павловича Шкодского упомянуто в списке жертв политических репрессий в Томской области, опубликованном в третьем томе книги «Боль людская» в 1992 году. Сам Николай Алексеевич назван во втором томе...* [Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и в начале 50-х годов, тт. 1-4. 1991-1994]. За анкетой в деле подшит небольшой листочек бумаги.

Выписка из протокола
заседания коллегии ОГПУ (судебная) 5 марта 1934 года

Слушали

18. Дело №3444 по обвинению гр. Клюева Николая Алексеевича по 58-10, 16-151 ст. УК

Постановили

Клюева Николая Алексеевича заключить в исправтрудлагерь на 5 лет с заменой высыл. в г. Колпашево (Зап. Сибирь) на тот же срок, считая срок с 2/П-34.

Выписка сопровождается соответствующими подписями и печатью

ОГПУ.

Примерно через месяц, во всяком случае, не позднее 12 апреля, Ключев оказался в камере томской тюрьмы, где в ожидании открытия навигации пробыл примерно до середины мая – известно, что 7 мая он еще был в Томске, но не позднее 31-го – дата составления анкеты – он прибыл в Колпашево.

* * *

Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, как я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоли, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев – это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодий, избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет, или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем.

Население – 80% ссыльных – китайцев, сартов, экзотических кавказцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны – все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев – давным-давно стал обглоданной костью. Вот он – знаменитый Нарым! – думаю я. И здесь мне суждено провести пять звериных темных лет без любимой и освежающей душу природы, без привета и дорогих людей, дыша парами преступлений и ненависти! И если бы не глубины святых созвездий и потоки слез, то жалким скрюченным трупом прибавилось бы в черных бездонных ямах ближнего болота. Сегодня под уродливой дуплистой сосной я нашел первые нарымские цветы, – какие-то сизоватые и густо-желтые, – бросился к ним с рыданием, прижал их к своим глазам, к сердцу, как единственных близких и не жестоких. Они благоухают, как песни Надежды Андреевны,* [Обухова Надежда Андреевна (1886-1961), нар. артистка СССР, солистка Большого театра] напоминают аромат ее одежды и комнаты. Скажите ей об этом. Вот капля радости и улыбки сквозь слезы за все десять дней моей жизни в Колпашеве. Но безмерно сиротство и неприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения страдания и смерти человеческой здесь никого не трогают. Все это – дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром

остяки говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей. Но больше всего пугают меня люди, какие-то полу-псы, люто голодные, безблагодатные и сумасшедшие от несчастий. Каким боком прилепиться к этим человекообразным, чтобы не погибнуть? Но гибель неизбежна.

* * *

У клюевских писем, отправленных из Колпашева и Томска, есть одна очень важная особенность – он не называет в них имен своих товарищей и знакомых. Делает он это, конечно, не из соображений конспирации – скрывать ему было нечего, а по вполне понятной осторожности. А друзья и знакомые у него были. Правда, в июле он заметил: «Интересных людей я не вижу. Иногда мне на улице кланяются незнакомые, но я ни с кем из ссыльных не схожусь. Слишком уж кровоточит душа, чтобы с кем-либо чужим сходитьсь! Местное начальство относится ко мне хорошо. Внешне никто меня пока не обижает и не шпыняет. Начальник здешнего ГПУ прямо замечательный человек и подлинный коммунар». Заметьте, имени даже этого человека Клюев не называет (начальником в те годы был венгр Иштван Иштванович Мартон, окружающие чаще звали его Степаном Степановичем. В 1937 г. его арестовали, обвинив в принадлежности к Российскому общевойсковому Союзу). И позднее, на допросах, поэт по собственной инициативе не назвал ни одного имени. Он лишь подтверждал свое знакомство с теми, кого называли следователи. А уж кого они не называли, тех не упоминал и Клюев.

Однако есть основания предполагать, что он был знаком с Митрофаном Васильевичем Никульцовым, контролером Колпашевского отделения госбанка, одним из тех, кто впоследствии был погребен в знаменитом колпашевском захоронении (его расстреляли 8 декабря 1937 года, осужден он был по тому же делу, что и поэт).

По-видимому, встречался с Ключевым в Колпашево и критик Р. Менский, написавший впоследствии, что в Колпашеве Николай Алексеевич начал работать над поэмой «Нарым», записывая отдельные строфы будущего произведения на клочках бумаги. Эти отрывки поэт запоминал, а записи уничтожал. Он читал их некоторым ссыльным, и слушатели понимали, что талант поэта не погиб даже и в ссылке.

Добрые отношения установились у Ключева с супругами Цейтлинными и Ивановым. Семен Соломонович отбывал ссылку как меньшевик, о жене его я вообще ничего не знаю, впрочем, знакомство это не имело продолжения.

А Павел Николаевич Иванов, потомственный моряк, лейтенант

императорского флота, был служащим в каком-то московском учреждении. Я уже говорил, что в делах арестованных масса противоречий, но, наверное, своеобразный рекорд в этом отношении – ошибки в «Деле» П.Н. Иванова. В одном документе он назван капитаном второго ранга, хотя был лишь лейтенантом, в другом написано, что служил в Красном флоте на Белом море, в третьем – наоборот, в белом флоте, но на Черном море, из анкет следует, что он одновременно отбывал срок, определенный ему решением ВЧК, и служил в Красной Армии. Зато нет расхождений в том, что в 1930 году получил он по 58-10 пять лет ссылки, которую отбывал в Колпашево. Весной 1935 года, «выполнив свою пятилетку», переехал в Томск – ни обратно в Москву, ни, тем более, в родной Севастополь, его не пустили. Работал он экономистом томского гортопа – где ж еще работать в Томске бывшему командиру подводной лодки? Естественно, он восстановил отношения с Клюевым, что дорого обошлось им обоим.

* * *

Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер – это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима, а я голый... У меня нет никакой верхней одежды, я без шапки, без перчаток и пальто. На мне синяя бумазейная рубаха без пояса, тонкие бумажные брюки, уже ветхие. Остальное все украли шалманы в камере, где помещалось до ста человек народу, днем и ночью прибывающего и уходящего. Когда я ехал из Томска в Нарым, кто-то, видимо узнавший меня, послал мне через конвоира ватную короткую курточку и желтые штиблеты, которые больно жмут ноги, но и за это я горячо благодарен.

* * *

В Колпашеве Клюев еще пытается как-то бороться за себя. Он просит друзей обратиться в Политический Красный Крест, к Горькому, в Оргкомитет Союза советских писателей СССР, к наркому просвещения А.С. Бубнову, пишет заявление во ВЦИК, зная, что знаменитый дирижер профессор Московской консерватории Н.С. Голованов знаком с Калининным и Ворошиловым, просит Николая Семеновича передать этим людям заявление о помиловании. Сергей Антонович Клычков, прекрасный русский поэт того же «крестьянского направления», сам со дня на день ожидавший ареста (его арестовали «только» 31 июля 1937 года), тоже пытался что-то сделать для своего сосланного друга, обращался в Союз писателей и к Горькому.

Особых надежд никто не питал, но все же...

* * *

Мое страдание не человеческое, а какое-то выходящее из всех понятий о бедах и страданиях. Уж очень я нелеп в среде ссыльных и поселенцев на р. Оби. Нежный, с сивой, как олений мох, бородой, с маленькими руками, с погасшим, едва слышным голосом, с глазами, ушедшими в череп... но что об этом? Я думаю, что все равно меня не спасти, лето я еще прожил, а страшная полярная зима – меня доконает. Нужно иметь хотя бы 50 руб. аккуратно в месяц – за комнатуху и дрова, которые здесь, как это ни нелепо, дороги потому, что привезти их некому – у жителей нет лошадей.

* * *

Кто сумел помочь Николаю Алексеевичу – сказать трудно, более того, здесь еще одна из многочисленных загадок жизни поэта. Судите сами. В деле есть такой документ.

Выписка из протокола

Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел от 17 ноября 1934 г.

Слушали

37. Пересмотр дела №3444 гр. Ключева Николаем Алексеевичем приг. пост. колл. ОГПУ от 5/111-34 г. к заключен, и ИТЛ сроком на 5 лет с заменой высылкой и г. Колпашев ЗСК на тот же срок.

Постановили

Ключеву Николаю Алексеевичу разрешить отбывать оставшийся срок наказания в г. Томске

Выписка украшена гербовой печатью ОГПУ и подписью ответственного секретаря ОСО Фельдмана. Обратите внимание на дату – ноябрь, документ уже почти не имеет смысла, ведь навигация на Оби уже месяц как закончилась! Более того, из Москвы выписку посылают в Новосибирск, в краевое управление НКВД – не торопись, лишь 9 июля 1936 года. Но еще 17 октября 1934 года И.И. Мартон сообщает в Новосибирск, что «адм. высланный Ключев Николай Алексеевич выбыл в г. Томск 8 октября 34 г.»

5 октября из Новосибирска в Колпашево была направлена телеграмма: «Согласно дополнительного распоряжения НКВД поэта Ключева из Колпашево в г. Томск направьте не этапом, а спецконвоем». Обратите внимание, не адм. ссыльного Ключева, а поэта Ключева! И согласно дополнительного распоряжения, значит, было еще и основное? Да, было, на него имеется ссылка – это была телеграмма УГБ НКВД СССР от 4.10.34 г. за №10715. Я не смог найти

этой телеграммы, думаю, что она уничтожена, ибо кто же это из УГБ НКВД мог направить распоряжение о выполнении Постановления ОСО при самом наркоме Ягоде за полтора месяца до официального принятия этого постановления? Или это было не без ведома «самого», или же в Управлении государственной безопасности НКВД СССР сидел кто-то совершенно отчаянный? Кто? Пока не знаю, понимаю лишь, что он спас Клюева от верной смерти. Ненадолго, правда...

8 октября с последним или одним из последних пароходов Н.А. Клюев выбыл в Томск.

* * *

На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск, это на тысячу верст ближе к Москве. Такой переход нужно принять как милость и снисхождение, но, выйдя с парохода в ненастное и студеное утро, я очутился второй раз в ссылке без угла и куска хлеба. Уныло со своим узлом побрел я по неизмеримо грязным улицам Томска. Кой-где присаживался на случайную скамейку у ворот, то на какой-либо приступок; промокший до костей, голодный и холодный, я постучался в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города – в надежде выпросить ночлег Христа ради. К моему удивлению, меня встретил средних лет, бледный, с кудрявыми волосами и такой же бородкой, человек – приветствием: «Провидение посылает нам гостя! Проходите, раздевайтесь, вероятно устали». При этих словах человек с улыбкой стал раздевать меня, придвинул стул, встал на колени и стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты ночлег.

* * *

Далее Николай Алексеевич пишет о хозяине, которому накануне приснилась просившая за Клюева красавица, о том, как неожиданно в своем мешке он нашел пятирублевую золотую монету, о добрых бедных людях, в доме которых он нашел приют. Конечно, эти строки написал добрый человек, поэт, пытающийся утешить и успокоить своих корреспондентов. Думаю так, ибо за две недели до этого, 12 октября, он писал несколько иначе: «Постучался для ночлега в первую дверь: – Христа ради. Жилье оказалось набитое семьей, в углу сумасшедший сын, ходит под себя, истерзанный. Боже! Что будет дальше со мной? Каждая кровинка рыдает».

Увы, эти строки более похожи на правду...

Примерно через месяц в письмах Клюева появился адрес дома, в котором он провел большую часть ссылки, дома, на котором 25

октября 1990 года установлена мемориальная доска: переулок
Красного пожарника, 12.

* * *

В Томске глубокая зима. Мороз под 40°. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб. Деньгами от двух до трех рублей – в продолжение почти целого дня – от 6 утра до 4-х дня, когда базар разъезжается. Но это не каждое воскресенье, когда бывает мой выход за пропитанием. Из поданного варю иногда похлебку, куда полагаю все: хлебные крошки, дикий чеснок, картошку, брюкву, даже немножко клеверного сена, если оно попадет в крестьянских возах. Пью кипяток с брусникой, но хлеба мало. Сахар великая редкость. Впереди морозы до 60°, но мне страшно умереть на улице. Ах, если бы в тепле у печки! Где мое сердце, где мои песни?!

* * *

Стариком, в лохмотьях одетым,
Притащусь к домово́й ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!

* * *

15 октября 1989 года, накануне благотворительного вечера памяти Николая Клюева, позвонила мне врач Нина Иннокентьевна Геблер: – Нельзя ли мне принять участие в вашем вечере – я знала покойного Николая Алексеевича.

... Многое из совсем недавнего прошлого помню далеко не так хорошо, как хотелось бы. А эта встреча будто была вчера.

Я шла по Каменному мосту – мы жили тогда неподалеку, на улице Розы Люксембург – когда увидела необычного человека. Мне он запомнился высоким, во всяком случае, выше среднего роста, склонным к полноте, пожалуй, какой-то нездоровой. Черные с проседью волосы, подстриженные в кружок, усы, борода. Синяя в белую полоску косоворотка с пояском, рваные брюки, сандалии на босую ногу.

– Барышня, – какая я барышня, я уже замужем была, да и обращение «барышня» для того времени казалось необычным, но выглядела молодо, да и было мне всего двадцать один год, – подайте милостыню на пропитание опальному обнищавшему поэту Николаю Клюеву.

Я закончила тогда четвертый курс медицинского института, за

литературой следила не очень внимательно, но имя Клюева мне было хорошо известно – муж знал и любил его творчество и где-то доставал всякие запрещенные к тому времени книги.

Но, как это бывает у студентов, денег при себе у меня не оказалось. Набралась смелости и пригласила его к нам домой отобедать.

Николай Алексеевич согласился. С тех пор, с лета тридцать пятого года, он иногда заходил к нам, читал стихи – ничего я, конечно, не записала, беседовал, в основном – с мужем. А в тридцать седьмом, в начале лета, что-то его визиты прекратились, и мы сами зашли к нему, но было уже поздно – «взяли вашего старичка», сказали нам хозяйева.

Что еще? Запомнилось, как он ел, особенно в первый свой визит – так едят не просто очень проголодавшиеся люди, а те, кто давно уже не имел сколько-нибудь приличной горячей пищи...

* * *

... жил в последние месяцы, как никогда. Купил пшена, чаю, сахару, каждый день хлеб и молоко, но жилища не мог переменить, хотя и были и по внутренним и внешним условиям благие и прекрасные кельи. К несчастью моему, не дешевле сорока рублей в месяц. У меня же общая изба, где народу 14 человек – мужичья и баб с ребятами. Моя бедная муза глубоко закрыла свои синие очи, полные слез и мучительных сновидений. Пусть спит до первой утренней звезды! С тревогой и болью смотрю на первые хмурые тучи, на желтеющий уже березняк – показатель ранней сибирской восьмимесячной зимы. Как-то буду я коротать ее?

Здоровье мое сильно пошатнулось – лежал в больнице десять дней.

Какая-то незнакомая доселе болезнь сердца и желудка:

невыносимая боль. Лежал десять дней за плату 6 руб. в сутки.

Бесплатно ссыльным лекарства и больницы не полагается. Часто вспоминаю свои «заявления», где они и читал ли их кто? Есть ли вообще надежда на помощь мне и спасение?

Переживу зиму – на весну оправлюсь. Теперь же я болен. Лежал три недели в смертном томлении, снах и видениях – под гам, мерзкую ругань днем и смрад и храпы ночью. Изба полна двуногим скотом – всего четырнадцать голов. Не ему мои песни.

* * *

Найти какие-либо свидетельства об этом периоде жизни Клюева в Томске мудрено – и времени много, да и не располагало оно к ведению дневников и хранению документов. Отыскать что-либо – большая удача. Мне, например, говорили, что известный в Томске краевед и педагог В.Ф. Козуров встречался с Клюевым и даже

написал обстоятельные заметки о встречах с поэтом, только вот где они? Виктор Федорович несколько лет назад умер; не совсем понятно, куда делись его архив и библиотека, и я уже не надеялся познакомиться с его воспоминаниями, когда Ирина Васильевна Дорошук, руководитель музея истории Томского педагогического института, обсуждая со мной программу вечера, посвященного приближающемуся 60-летию ТГПИ, сказала: «Можно будет использовать и заметки Козурова о Клюеве». Оказывается, еще в 1981 году студенты 43-й группы филологического факультета, подарившие институту великолепный альбом, включили туда и то, что давно ищут исследователи творчества Н.А. Клюева! Я позволил себе лишь немного сократить очерк В.Ф. Козурова, названный им «Поход за поэзией».

Лекция по литературе... Слева около моего локтя упал листок бумаги. «Виктор! В Томске находится Н.А. Клюев. После лекции идем к нему. Составишь компанию?»

Подумать только! Николай Клюев! Духовный отец и поэтический наставник Есенина здесь, в Томске! Половина, если не большая часть студентов была равнодушна к Есенину. Несмотря на полуофициальный запрет, потихоньку читали его стихи, спорили о нем. И вот теперь представляется возможность увидеть одного из плеяды крестьянских поэтов, увидеть не где-нибудь, а здесь, в Томске. И, вероятно, не только увидеть, но и поговорить.

Каждый из нас понимал, что дело это рискованное. У всех на памяти случаи, когда за чтение Есенина исключали из комсомола, за хранение томика его стихов отбирали партийный билет, снимал и с работы... Сейчас (речь идет об осени 1935 г., – Л.П.), правда, подобных фактов уже нет. Но кто его знает, чем все это обернется? А с другой стороны, как можно отказаться от такой счастливой возможности, которая в будущем вряд ли когда повторится?

К лекции интерес пропал. Как только закрылась дверь за профессором, в аудитории поднялся гвалт: «Обязательно надо пойти!», «Это будет выглядеть как явная демонстрация!», «Дело интересное, но во многом рискованное...».

Решили идти вчетвером: Николай Копыльцов, Кузьма Пасекунов, Ян Глазычев и я.

... Переулок Красного Пожарника. Небольшой белый флигель, выходящий на улицу тремя окнами, с геранями на подоконниках.

Калитка с тяжелым висячим кольцом. Попробовали – не открывается. Постучали – отзвука никакого. И собаки нет.

Кажется, кто-то идет. И в самом деле, слышались шлепающие шаги босых ног. Со скрипом открылась калитка.

– Вам кого? – спросила молодая женщина.

– Простите, пожалуйста, что вторгаемся к вам непрошенными, –

дипломатично начал Копыльцов. – Нам стало известно, что в Томск приехал знаменитый русский писатель Николай Алексеевич Клюев и что он остановился у вас. Вот мы и хотели бы с ним увидеться. С вашей, конечно, помощью.

Льстивый тон и почтительность сделали свое дело.

– Ну-к что ж, попробую, похлопочу за вас...

Не прошло и десяти минут, как в проеме сенной двери показалась мужская фигура. Человек, вышедший из дома, очень похож на Льва Толстого. Обращало внимание чисто внешнее сходство: те же примерно рост и комплекция, овал лица, жилистые крестьянские руки и та же лопатообразная борода, только темная и заметно короче. Но главное, что бросалось в глаза, – это одежда: простые шаровары из какой-то грубоватой, чуть ли не домотканой материи, под цвет им – просторная рубаха-косоворотка, подпоясанная узким неброским ремешком, на ногах домашние туфли, надетые на босу ногу.

Невольно думалось, что все эти атрибуты не случайны. Вероятно, человек сознательно и обдуманно доводил их до степени полной похожести. Об этом свидетельствовала и поза, которую он принял, появившись на крыльце: ладонь, заложенная за пояс, и внимательный, изучающий взгляд чуточку прищуренных глаз, устремленный в нашу сторону, и легкая полуулыбка на лице, и продолжительная пауза, которую он выдержал, прежде чем заговорить с нами.

Вынув из-за пояса руку и полуподняв ее в знак приветствия, Клюев произнес довольно звучным, мягким говорком:

– Рад приветствовать вас, молодые люди! Что привело вас ко мне? Тот же Копыльцов ответил за всех нас так, как если бы он отдавал рапорт:

– Мы, студенты второго курса литературного факультета педагогического института, прослышали о вашем прибытии в Томск и пришли засвидетельствовать почтение от всей нашей группы, Клюев широко улыбнулся и начал спускаться с крыльца, продолжая что-то ворковать своим голубиным голосом. Подойдя к нам, он приглашающим жестом указал на скамейки и сам первым присел на одну из них. Наступила пауза, во время которой Клюев поглаживал свою бороду и поочередно переводил взгляд с одного на другого.

– Так о чем же вы хотели побеседовать со мной?

– Расскажите нам об Есенине. Вы же хорошо его знали! Если можно, прочтите его стихи, которые более всего любите.

– Да, Сережу-то я знал хорошо. Хорошо знал Сереженьку, – задумчиво повторил он, забирая в горсть и поглаживая свою бородку. – Жаль мальчика. Рано ушел, совсем рано. Лучше бы он меня вспоминал. Так было бы справедливее. Ну, а что я вам о нем скажу? Что нужно, об этом в свое время сказано и написано. А чего

не нужно, лучше и не вспоминать. Так-то оно правильное будет. Одно скажу – большого человека потеряли, очень большого. Вряд ли еще когда такой народится. А что до его стихов, то нету у меня таких, любимых. – И, как бы отвечая на наши удивленные взгляды, добавил с улыбкой: – Я все их люблю, все, как свои. Может, и больше.

Клюев прочел много стихотворений Есенина. Читал без перерыва и без видимой связи между собой. За «Песней о собаке» шли стихи из «Персидских мотивов», за «Сорокоустом!» «Письмо к матери» и т. д. – десятки широко известных и впервые услышанных нами стихов. С особым волнением, с дрожью в голосе и, кажется, с искренними слезами на глазах прочел он, по нашей просьбе, «Клен ты мой опавший...» И долго потом не мог успокоиться, вздыхая и проводя ладонями по глазным впадинам. Но «Русь уходящую» читать отказался, никак не мотивируя своего нежелания.

Глядя на него и слушая его декламацию, чувствовалось, что читает он не для нас, что он даже забыл о нашем присутствии – настолько весь отдавался во власть волшебной музыки есенинского стиха, и, надо полагать, наплыву собственных, глубоко личных чувств, связанных с дорогими, лишь ему одному понятными воспоминаниями.

Его чтение нельзя было назвать декламацией в обычном понимании этого слова. Не назовешь его и пением или речитативом. Это было что-то такое, что объединяло в себе и то, и другое, и третье. И вместе с тем не похожее на каждое из них в отдельности. Слушать его было непривычно, по-своему трудно, но усталости не ощущалось.

Хотелось еще и еще.

Взволнованные и потрясенные, мы не замечали времени. А солнце уже спряталось за забор и оттуда подсвечивало верхушки тополей. В воздухе ощущалась прохлада, ползущая из-под горы, со стороны Ушайки. Наступила пора прощаться. Но уходить не хотелось. Да и неудобно было вот так просто встать и уйти. Ведь цель-то нашего прихода – познакомиться с самим Николаем Алексеевичем, узнать, что его привело в наш город (хотя кое о чем мы догадывались) и долго ли он намерен здесь оставаться. Именно эти вопросы и отважились ему предложить. Но он уклонился, замаял их двумя-тремя ничего не значащими фразами, и мы не стали настаивать.

В заключение попросили Клюева хоть что-нибудь прочитать из своих стихотворений. Он как-то нахмурился, пожевал губами и тихо промолвил: «После. В другой раз как-нибудь. Коли доведется встретиться», – и встал со скамейки. Мы правильно поняли его и тоже поднялись, начали прощаться. Задерживать нас он не стал. Вновь улыбнувшись, каждому подал руку. Николай Алексеевич проводил нас до калитки и, когда мы вышли на улицу, он, стоя в притворе, как в раме, освещенный последними лучами солнца, выглядел весьма эффектно. Помахав нам рукой, Клюев вернулся во двор и энергично захлопнул калитку.

... О нашем походе к Ключеву вскоре узнал весь институт. Но как это ни покажется странным, ни профком, ни комитет комсомола, ни дирекция института никак не среагировали, и опасения оказались напрасными. Из разговоров в курилке довелось узнать, что после нас к Ключеву ходили и другие, но безрезультатно: либо Ключев отказывался принять, либо уже уехал.

* * *

Какое здесь прекрасное кладбище – на высоком берегу Томи, березовая и пихтовая роща, есть много замечательных могил... Но жаворонков и сельских ласточек по весне здесь не слышно. Ласточки только береговые, и множество сизых ястребов. Еще до Покрова выпал глубокий снег, ветер низкий, всешарящий, ищущий и человечески бездомный. Мой знакомый геолог говорит, что и ветер здесь ссыльный из Памира или из-за Гималаев, – но не костромской, в котором сорочий щекот и овинный дымок.

* * *

Есть две страны; – одна – Больница,
Другая – Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!
Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:
«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!
Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину»...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.
И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.
В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы
Читаю нити: «Н.А. Ключев, –
Певец олонецкой избы!»
Я умер! Господи, ужели?!

Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!
Вот почему в кувшине розы,
И сам ты – мальчик в синем льне!..
Скрипят житейские обозы
В далекой брэнной стороне.
К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка –
За ними с лютней серафим!»
«Приди, дитя мое, приди!»
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.
И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!»
И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Оный день!»

* * *

Николай Клюев написал в Томске четыре поэмы и ряд других произведений. Но, к сожалению, пока известно лишь одно стихотворение, написанное в нашем городе. Вместе с глубоким образным, символическим, философским смыслом оно, по мнению томского историка и краеведа Александра Афанасьева, несет еще и «топографическую» нагрузку. Переулок Красного пожарника недалек от Больницы (сейчас – больница им. Г.Е. Сибирцева), и «блуждая пасмурной опушкой» мимо печальных сосен, угрюмых пихт и седых верб, поэт выходил к Кладбищу (ныне его нет, как нет и деревьев – в начале войны и в последующие годы здесь развернул цеха завод «Сибкабель»).

А «мой знакомый геолог» – это, конечно, Ростислав Сергеевич Ильин, крупный почвовед, геолог, геоморфолог. Он отбывал ссылку в Томске, 12 июня 1937 года был арестован и как «активный участник подпольной контрреволюционной террористической организации эсеров» расстрелян 11 сентября того же года. Реабилитирован 25 мая 1956 года. Сохранились воспоминания Веры Валентиновны, его вдовы.

Перед рождеством Славе не здоровилось. Сидел дома. Против обыкновения, ему не писалось. Мне пришло в голову пригласить в гости Н.А. Клюева. Мы любили его стихи. Здесь он отбывал ссылку. Я узнала его адрес и пригласила на елку. Клюев пришел через несколько дней. Слава ожил. Сидя у окна, Николай Алексеевич рассказал нам «Сказ о коте Евстафии», как говорили северные сказители его родины. С выразительными звукоподражаниями, мимикой и жестами.

После смерти детей* [У Ильиных было пятеро детей, двое из них умерли незадолго перед описываемыми событиями] у меня впервые появилось ощущение, будто я перенеслась в другой мир. На душе стало легче. Слава и дети были в восторге. Клюев часто стал бывать у нас. Иногда долго засиживался и ночевал у нас. Рассказывал, что его арестовали в Москве. Выслали в Томск за саботаж собственной музее: он перестал печататься и работал над поэмами «О матери», «Беломорканал». У него их отобрали. Наизусть их не помнил, рассказывал отрывки, дополняя остальное рассказами. Это было лучшее из всего, что он написал. К сожалению, он не хотел восстанавливать то, что помнил. Мы любили, когда он приходил. Больше всего я радовалась за Славу: для него эти беседы были лучшим отдыхом.

* * *

Купил молока, муки белой, напек оладий, заварил настоящего трехрублевого чая, а когда собрал на стол, то и пить не мог, все бормотал, шептал и звал любимых – со мной чайку испить! И они пришли. Первой явилась маменька – как бы в венчальной фате, и видима почти по колени, потом дядюшка Кондратий в отсвете самосожженческого сруба. Сереженька** [Есенин С.А.] – сильно неподвижный, не освободившийся, Александр, Николай, Владимир, Ильюша – все отошедшие, но в неистребимой силе живущие, даже до цвета и звука! До Ваших переводов как-то мне не елось, не пилось, теперь же я приотъелся, часто заходил в баню, – это мое любимое учреждение в Томске. Переулок, где я живу, по ворота и до крыш завьюжен снегом, но уже начали сизеть и желтеть зори. Я часто хожу на край оврага, где кончается Томск, – вписуюсь в заревые продухи, и тогда понятней становится моя судьба, судьба русской музы, а может быть, и сама Жизнь-мать. Но Сибирь мною чувствуется, как что-то уже не русское: тугой, для конских ноздрей, воздух, в людской толпе много монгольских ублютков и полукровок. Пахнущие кизяком пельмени и огромные китайские самовары – без решеток и душника в крышке. По домам почему-то железные жаровни для углей, часто попадается синяя Тянь-Дзинская посуда, а в подмытых половодьями береговых слоях реки Томи то и дело

натыкаешься на кусочки и черепки не то Сиама, не то Индии. Все это уже не костромским суслом, а каким-то кумысом мутит мое сердце: так и блекнут и гаснут дни, чую, что считанные, но роковое никакой метлой не отметишь в сторону.

* * *

Христианское смирение и староверческая негибимость еще позволяют Ключеву в 1935 году что-то творить, с кем-то общаться, писать – нет, не веселые, но все же какие-то «ровные» письма. Но страдания прорываются сквозь эти строки все сильнее и сильнее...

* * *

Здоровье мое все хуже. Боли в области живота здешние врачи объясняют язвой желудка – которая быстро увеличивается. Сердце не дает покоя, особенно ночью. Я скоро и тяжело устаю от ходьбы. Жилище мое без тишины – с 5 часов утра и до 10-11 ночи. Слава Богу, что огромный вшивый лишай, занимавший часть шеи, плечо и половину живота, очистился. Это для меня большое облегчение. Одним словом, преувеличивать нечего, – кой-что пережито и кой-чему я научился и многое понял. Особенно музыку. Везде она звучала – и при зареве костров инквизиции, и когда распускается роза. Извините меня за эти известные строки! После Прощеного Воскресенья бабы и мужики – соседи по избе всю неделю пили и дрались, сегодня же, к моему изумлению, все перекланились мне в ноги, стучая о пол лбом: «Прости мол, дедушка, знаем, что тебя обижаем!» И я всем творил прощу. Весь этот народ – сахалинские отщепенцы, по виду дикари, очень любят сатиновые, расшитые татарским стегом рубахи, нежно розовые или густо пунцовые, папахи дорогого Кашмира с тульей из хорошего сукна, перекрещенной кованым серебряным галуном, бабы любят брошки «с коралловой головой», непременно в золоте – это считается большой модой – и придает ценность и самой обладательнице вещи. Остячки по юртам носят на шее бисерный панцирь, с огромным аквамашином посредине; прямо какая-то Бирма! Спят с собаками. Нередко собака служит и подушкой. Избы у всех обмазаны изнутри, тепла ради, глиной и выбелены. Под слоями старого мела – залежи клопов. В обиходе встречаются вещи из черненой меди, которые, наверное, видели Ермака и бывали в гаремах монгольских Каганов. Великое множество красоты гибнет. Купаясь в речке Ушайке, я нашел крест с надписанием, что он из Ростова и сделан при князе Владимире. Так разворачивается моя жизнь в снегах сибирских. Покоя нет. Всегда под угрозой, что тебя отправят в Березов или на Чукотский полуостров. Хотелось бы умереть под широкой весенней березой, когда еще

клейкий пушок с листочков не съели тундровые вихри, и чтоб в тоненькую дудочку наигрывала отходную лазоревая птичка. Об этом мое моление к вечным звездам!

В Томске есть кой-кто из милых и тоскующих по искусству людей, но я боюсь знакомиться с ними из опасения, как бы наша близость не была превратно понята. Приходил ко мне юноша с лирическими великолепными стихами, но так как стихи были сплошь лиричны, по музыке, чувству, краскам и слову изумительны, то я не сказал о них правды, а послал поэта в местную газету, чтобы он был ближе к жизни.

2-го февраля мой печальный юбилей: исполнилось два года моего изгнания...

* * *

Кончался второй год ссылки Клюева, завершался и второй этап его противостояния ОГПУ, кончался событиями, едва не приведшими к гибели поэта.

Летом 1936 года в Управление НКВД по Запсибкраю ушло донесение, в котором сообщалось, что «адм. ссыльный Клюев Николай Алексеевич, 1884 г. рождения, из граждан Новгородской губ., осужденный в ссылку заседанием коллегии ОГПУ (суд) от 5 марта 1934 года в ссылку на 5 лет, будучи нами арестован 23 марта сего года и привлечен к ответственности как участник церковной кр. группировки* [Некоторые исследователи расшифровывают это сокращение как «церковной крестьянской группировки». Конечно, «кр.» – опечатка в документе, надо было «к. р.» или «к-р», т. е. «контрреволюционной», аббревиатура в те годы весьма распространенная] по ст. 58/10 и 11 УК сего числа нами из-под стражи освобожден ввиду приостановления следствия по делу №12264 ввиду его болезни – паралича левой половины тела и старческого слабоумия». «Сего числа», по-видимому, означает 4 июля 1936 года, такова дата документа. Следовательно, Клюев пробыл в заключении – возможно, в тюремной больнице – три с половиной месяца.

Слова «ввиду приостановления следствия по делу №12264» в документе зачеркнуты. Что это за дело, почему оно было прекращено, что «не сошлось» у начальника Томского горотдела НКВД капитана госбезопасности Подольского (кстати, вскоре от своего поста освобожденного), мне пока установить не удалось. Но, хотя в каком-то смысле государственная безопасность от Клюева вроде бы и отступилась, победой поэта это считать нельзя. Во-первых, в играх с НКВД по крайней мере одна сторона ходов обратно не берет, она может только отложить партию. А во-вторых, из тюрьмы вышел уже совсем другой человек – я имею в виду

физическую, а не духовную сторону...

* * *

Очнулся как от летаргического сна. Четыре месяца был прикован к постели: разбит параличом и совершенно беспомощен. Отнялась левая рука и нога, и левый глаз закрылся. К тому же я непоправимо болен пороком сердца в тяжелой форме. Все это удостоверили врачи по распоряжению местного Н.К.В.Д. Теперь я в своей комнатухе среди чужих людей, которым я нужен, как собаке пятая нога. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам:* [Варваре Николаевне Горбачевой, жене поэта Сергея Антоновича Клычкова] сходите к прокурору республики – просите его на основании моей непоправимой болезни освободить меня досрочно.

* * *

К осени 1936 года Николаю Алексеевичу стало немного лучше, но лишь немного. «Думаю, что эту зиму я не переживу и не дождусь нового зеленого шума – в этот год я не видел весны, а лето вижу с жалкого двора, когда меня вытащат посидеть на вечерке у поленицы дров. Давно не был в бане, она от моей избы далеко и дорога оврагами – мне не дойти. Все тело искусано клопами и расцарапано нестерпимым чесом». И все-таки, повторяю, духовно поэт не сломлен, и в мыслях у него – нелепость недавно прошедших недель... Как же они посмели отобрать при аресте и так и не вернуть редкие книги и несколько икон? Почему в Томске, университетском городе, люди объясняют знание древнего искусства вульгарным церковничеством? Чем им не нравится его борода, уединенные прогулки в сумерках, непосещение пивных и посещение церкви?

«Хочется поговорить с милыми друзьями, послушать подлинной музыки!.. За досчатой заборкой от моей каморки – день и ночь идет современная симфония – пьянка, драка, проклятия, – рев бабий и ребячий и все это покрывает доблестное радио. Я, бедный, все терплю. Второго февраля стукнет три года моей непригодности в члены нового общества! Горе мне, волку ненасытному!»

Поговорить с милыми друзьями не удавалось не только, так сказать, в высоком смысле – поговорить с Н.А. Обуховой, с Н.С. Головановым, с московскими и ленинградскими поэтами и писателями, но и в смысле самом прозаическом – с 23 марта 1936 года поэт физически не мог куда-то ходить, участвовать в каких-то встречах и т. д.,

исключая, конечно, самых уж крайних случаев, да визитов гостей к нему, на Красного Пожарника, 12. Если вы дочитаете мои записки до конца, вам станет понятно, почему я так настойчиво это подчеркиваю.

«Вам говорили, что Томск город университетский. Для кого – как, а для меня это пустыня, гноище Иова».

И еще одна загадка томского жития Николая Клюева. Пока никому не удалось установить, кто же именно усердно хлопотал в Москве о сокращении срока ссылки Клюеву. Кто мог написать? Позвонить? Как-то сказать о готовящемся по этому поводу решении? Сказать с такой уверенностью, что в некоторых современных публикациях об этом говорится, как о твердо установленных фактах. К сожалению, без ссылок на документы. Мне же удалось увидеть только один документ, да и то не очень понятный.

Помощник начальника Томского ГО НКВД лейтенант госбезопасности Веледерский* [Веледерский Константин Григорьевич расстрелян 22 декабря 1937 года как японский шпион. Реабилитирован посмертно], отвечая на отсутствующий в деле запрос УГБ НКВД, пишет так:

«Настоящим сообщаем, что адм. ссыльный Клюев Николай Алексеевич, 1884 г. рождения, в настоящее время состоит на учете а/ссылных, так как срок ссылки ему оканчивается 2/II-39, а не 37, как вы сообщаете».

В прилагаемой справке Веледерский напоминает, кем, когда и на сколько был осужден Клюев. «Другого решения в отношении Клюева в Томском Горотделе НКВД не имеется». В данном случае я верю Веледерскому, но очевидно, что какое-то «другое решение» где-то и кем-то готовилось, и кем-то достаточно властным и сильным, если еще до его принятия в Томск были посланы куда-то исчезнувшие (может быть, просто еще не найденные?) или уничтоженные запросы. Кем же? Не тем ли человеком, который, сумев вытащить поэта из Нарыма до закрытия навигации и не по этапу, а спецконвоем, спас его тогда от верной смерти?

И не по его ли инициативе – или просто несогласованность отдельных механизмов громоздкой машины НКВД? – 10 июля 1939 г. из Новосибирска в Томск направляется строгий запрос.

Начальнику Томского ГО НКВД

В вашем районе отбывает ссылку ссыльный Клюев Николай Алексеевич. Срок ссылки ссыльному Клюеву закончился 2/II.39 года, об освобождении его из ссылки никаких сообщений нет. В трехдневный срок сообщите в 1-й спецотдел НКВД, когда освобожден и куда выбыл. Если же ссыльный Клюев не освобожден, то немедленно освободить и выдать справку.

Зам. нач. 1-го спецотдела УНКВД
НСО ст. лейтенант госбезопасности Дасов
Пом. оперуполномоченного Лушпий.

Задумайтесь над этим кошмаром. Осенью 1937 года Ключев был осужден по первой категории «тройкой» и приговор был приведен в исполнение. Об этом почти через полтора года – 23 марта 1939 года – было составлено отношение за номером 2808. Кажется, все? Нет, никто ничего толком не знает, и областное управление требует от городского отдела НКВД немедленного освобождения казненного! Но я забежал вперед...

* * *

Осталось еще полтора года. Вероятно, они будут самые тяжелые, без помощи, при моем нездоровье. Все три последних месяца я не слезал с постели – от тяжелого гриппа, теперь хожу, но плохо, и глубокий непрерывный бронхит истерзал меня. На великую беду Толечка* [Анатолий Никифорович Яр-Кравченко (1911-1983) – художник-портретист, создатель ряда портретных альбомов, в том числе «Галереи советских писателей», автор нескольких портретов Н. Ключева, в последние годы жизни поэта был его близким другом] обещал платить за лучшую и теплую комнату, я поверил, переехал,** [Судя по отметке в удостоверении – пер. Мариинский, 38] но теперь меня гонят за неуплату. Обещание осталось лишь словами. Неимоверная горечь на мои старые раны! На днях ухажу опять в конуру за 25 руб., полутемную и сырую. У вас там весна, а здесь мороз, – едва почернела дорога. Если возможно, не оставьте меня на праздники без милостыни!

* * *

Чуть позже Николай Алексеевич сообщил своим московским друзьям адрес «конуры за 25 руб.»: Старо-Ачинская ул., №13. Но милостыня его уже не застала: телеграф сообщил им, что по этому адресу «адресат не проживает».

* * *

Ключев не мог знать, но наверняка догадывался о том, что начался третий акт его трагедии. Чисто формальным его началом, наверное, можно считать приезд в Томск высланного в 1930 году из Ленинграда архитектора князя А.В. Волконского. Андрей Владимирович преподавал в инженерно-строительном институте (он назывался тогда несколько иначе, но

сути дела это не меняет), а приехавшая вскоре – Волконским к поездкам в Сибирь не привыкать! – Елизавета Александровна поначалу не работала. Жили Волконские в приобретенном ими доме №4 по переулку Лесному, в те годы – почти на окраине города, дальше только ипподром, кладбище, да несколько избышек. Маленький двухквартирный домик, где поселилась княжеская чета, сохранился и по сей день. Да что домик! Еду недавно в трамвае со старым своим товарищем А.А. Петровым, рассказываю о своих исканиях, показываю, что вот там домик Волконских, а Анатолий Александрович в ответ:

– Так я помню Елизавету Александровну. Она была знакома с моей мамой, заходила к нам.

Хотя о княжеских приемах тогда не могло быть и речи, но все же гости дом посещали часто. «Бывших» среди них было больше, чем «нынешних», что, впрочем, естественно для Томска тридцатых годов. Уже одно это настораживало томских чекистов. К тому же княгиня получала письма с иностранными марками (конечно, на сохранившихся в архивном деле конвертах этих марок уже нет – наверное, в НКВД тоже были филателисты) – в Мюнхене жила Евгения Александровна Лихонина, сестра Елизаветы Александровны. По тем временам родственница за границей, да еще и положительный ответ на вопрос о том, поддерживаете ли вы с нею связь (Евгения помогала сестре материально через так называемый «Торгсин») – уже почти состав преступления. Наконец, с Волконским встречался приезжавший к родственникам своей жены Москвитиным телеграфист Гансен, датский подданный, служивший на международном телеграфе во Владивостоке. Этот Гансен вполне подходил на роль белогвардейского или японского связного! А бывший князь вполне мог быть руководителем солидной подпольной организации! Отмечу факт, неучтенный НКВД. «Усадьба» Волконских и дом, где жили Москвитины, имели смежные огороды, там, наверное, и происходили «конспиративные встречи заговорщиков», где, по всей вероятности, обсуждались виды на урожай моркови и свеклы и трудности, связанные с нехваткой воды из-за плохой работы томского водопровода.

Все шло к разоблачению и аресту, но 7 февраля 1935 года А.В. Волконский скончался. Кажется, в благоустроенных государствах в связи со смертью подозреваемого дело прекращается. Именно так и сказано в протесте военного прокурора Сибирского военного округа генерал-майора юстиции П. Орлова: «Волконский к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления не привлекался». Не за что было привлекать. Кстати, протест прокурора П. Орлова и послужил основанием для реабилитации Н.А. Клюева и многих других.

Не могу не заметить при этом, что поэт реабилитирован, так сказать,

заодно с другими – родственников у Николая Алексеевича к концу пятидесятих годов не осталось, а в Союзе писателей не нашлось ни поэтов, ни критиков, которые подали бы жалобу, возбудили бы ходатайство перед Прокуратурой или хотя бы поинтересовались судьбой собрата. А ведь в первые годы после XX съезда партии это было абсолютно безопасным делом... Итак, прокурорский протест был написан в июле 1960 года, а в тридцатые годы сибирские воспитанники наркома Ежова уже расписали все роли в задуманном ими спектакле. Князь Волконский – на первой роли, он руководитель «Союза спасения России». И тут время рассказать об этой «ужасной организации», рассказать кратко, ибо сама по себе история грандиозной фальсификации – создания в умах сибирских контрразведчиков мощного антисоветского заговора – еще ждет и своего исследователя и, быть может, своего Шекспира.

* * *

В 1924 году находившийся в Париже генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель создал «Русский общевойсковой Союз», пытавшийся – не без успеха – объединить белогвардейское эмигрантское воинство. Почившего в 1928 году барона сменил в руководстве РОВС его старый соратник генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов, один из виднейших деятелей белой гвардии на юге России. Вскоре Кутепов погиб в Париже при не вполне выясненных обстоятельствах, и его сменил генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, бывший белый диктатор русского Севера. 22 сентября 1937 года он тоже погиб, тоже при не вполне выясненных обстоятельствах. Миллера сменил его заместитель по РОВСу, известный корниловец, молодой генерал Н.В. Скоблин,* [Небезынтересно, что его женой была знаменитая русская певица Н. Плевицкая] по непроверенной информации служивший одновременно не то в НКВД, не то в Главном разведывательном управлении РККА. Если это так, то все обстоятельства краха РОВСа надо искать в архивах КГБ и Генерального штаба, но это уж совсем другая и, конечно, не моя задача.

РОВС имел подразделения практически во всех пограничных с СССР государствах, особенно сильное и действительно связанное с иностранной разведкой – в столице Манчжурии Харбине, городе, едва ли не наполовину русском: там были и остатки колчаковских и семеновских частей, и многие сибирские коммерсанты, поселившиеся в Китае еще задолго до первой мировой войны, и немало интеллигенции, в том числе и из Томска, и работники КВЖД. РОВС, особенно в двадцатых годах, пытался осуществить крупные операции против Советов, вплоть до высадки десантов на юге страны, диверсий, перехода через границу более или менее

значительных формирований и т.д. Однако большая часть этих акций решительно пресекалась активными действиями контрразведки, и постепенно РОВС вынужден был перейти к мелким диверсиям, террористическим актам и шпионажу. В целом дело явно шло на убыль.

До сих пор – все правда, ибо речь идет о следствиях естественного исторического процесса. Но, по сталинской теории обострения классовой борьбы, по мере нашего продвижения к социализму деятельность внутренних и внешних врагов должна была активизироваться. В частности, РОВС должен был заниматься чем-то крупномасштабным. Факты же противоречили теории! «Тем хуже для фактов», – говаривал вождь в подобных случаях. И кому-то очень захотелось показать активизацию деятельности РОВС. И вот, в Сибири «возникла» его дочерняя организация, ориентирующаяся на харбинский центр – контрреволюционный кадетско-монархический «Союз спасения России».

* * *

Конечно, я не читал ни одного документа, относящегося к деятельности этого союза, кроме уже упоминавшейся прокурорского протеста, да письма из Центрального государственного архива Октябрьской революции, в котором со всей категоричностью сказано, что не существует документов, подтверждающих контрреволюционную деятельность РОВС на территории Западной Сибири. Поэтому судить об этой «деятельности» приходится лишь по материалам следствия, показаниям активистов ССР, записанным (написанным!) томскими следователями под руководством капитана госбезопасности Ивана Васильевича Овчинникова. Руководил он энергично и настойчиво, список уничтоженных под его руководством «врагов» выражается пятизначным числом, за что Овчинникова и наградили орденом Ленина. Правда, в 1940 году за нарушения социалистической законности, фальсификацию уголовных дел и превышение власти его расстреляли, но это едва ли было победой справедливости. Просто Л.П. Берия демонстрировал вождю требовательность и непримиримость к воспитанникам своего предшественника наркома Ежова, к тому времени тоже расстрелянного.

* * *

Итак, «Союз спасения России», для краткости – ССР. Позволю себе изложить здесь его цели, планы, организационные меры и т. п. именно так, как они записаны в протоколах, именно так, как они вложены в уста «заговорщиков», не употребляя слов «якобы», «по

словам» и т.д. Иначе говоря, позволю себе и попрошу читателя на мгновение поверить всей этой чудовищной лжи.

Главная цель разными заговорщиками формулировалась по-разному. В уста заговорщиков попроще вкладывалась такая немудреная формулировка: сделать все, как было до семнадцатого года, причем даже не до октября, а до февраля, включая восстановление на престоле династии Романовых.

Солидная публика говорила несколько иначе, излагая даже политическую программу, суть которой такова. Русский мужик привык к палке. Посему единственно приемлемым строем в России должна быть ограниченная монархия. В помощь монархии должна существовать дворянская организация, нечто вроде английской палаты лордов. Дворянству будет принадлежать земля, промышленность и, разумеется, реальная власть. Власть эта достигается путем вооруженного восстания, свержения Советов и беспощадного массового террора против пролетариев, бедноты и коммунистов. Что же касается интеллигенции, то она сначала допускается, а потом постепенно отстраняется.

К восстанию нужно тщательно готовиться, имея в виду, что время для него – конец 1937 года, – именно тогда начнется война фашистских государств против СССР, именно тогда Германия и Япония придут к нам в качестве освободителей.

Естественно, и Германия, и Япония, и зарубежные центры, в частности, «Союз братства русской правды» и «Русский общевоинский Союз» заинтересованы в успехах ССР. Руководство стран-освободителей проинформировано о том, что внутри Советского Союза подготавливаются враждебные советской власти силы, которые в нужный момент окажут интервентам помощь изнутри.

ССР, его руководство, в частности, Волконский, установили связь с РОВС и белогвардейскими организациями в Германии еще до приезда Волконского в Томск. Связь эта поддерживается и ныне, осуществляясь через иностранных специалистов, работающих в СССР и выезжающих за границу, в частности, немцев, работающих в Томском проектно-управлении «Шахтстрой» Кузбассугля, ученых томских вузов.

Например, у профессора Сватиковой (хорошо помню Александру Григорьевну, руководителя глазной клиники в Томске, крупного ученого-офтальмолога) брат в Париже, он знаком с князьями Трубецкими и Долгорукими! Несомненно, агентом по связи ССР с РОВС является и профессор кафедры зоологии ГТУ Ганс Христианович Иогансен. Видный зоолог, орнитолог, он учился когда-то в Томске, университет закончил в Мюнхене, опубликовал в Германии книгу о Байкале. В 1931 году был приглашен заведовать кафедрой зоологии Томского университета. Ему предложили принять советское

подданство, но он вместо того, чтобы принять его, уехал в Данию. Возможно, повлиял пример известного немецкого математика профессора ТГУ Фридриха Нетера, арестованного едва ли не на следующий день после того, как он согласился с подобным предложением (Фридрих Максимилианович, бежавший в СССР от нацистов в 1933 году, вскоре был расстрелян).

* * *

Из московского монархического центра и из-за рубежа ССР получает помощь, в основном, в виде ценных указаний и пропагандистских материалов.

В делах членов ССР мне такие материалы не встретились за исключением листовки, точнее, не листовки, а странички из какой-то книги или журнала, изъятой при обыске у Волконской. Страничка эта имеет дату 15.12.28, когда Волконских в Томске еще не было.

Содержит она две статьи. Годовщине Октября посвящена статья «Свобода, равенство, братство», статья же «Кремлевские благодетели» повествует о том, что в европейских столицах распродается национальное богатство Родины – картины, иконы, исторические реликвии, а валюта направляется на поддержку забастовщиков в западных странах. Происхождение этой листовки Елизавета Александровна объяснить не смогла, она сама узнала о ее существовании только в день ареста и обыска – листовку обнаружили в книге «Руководство по огнестойкому строительству», явно принадлежавшей Андрею Владимировичу. Потом эту листовку подсовывали многим арестованным – ничего другого у следствия не было, а что-то предъявить надо было.

Зарубежные друзья ССР готовились к захвату власти всерьез. В Белграде и Париже, по материалам НКВД, созданы школы, в них готовят офицеров-террористов и даже чиновников, среди которых уже распределены должности в руководстве будущей Российской империи.

Но рассчитывать на них все же не приходится, надо готовиться самим. И первостепенная задача – подготовка вооруженного восстания. С этой целью Сибирь разбита на четыре повстанческих округа. Первый – Нарымский. Там формируется пехотный корпус под командованием генерал-майора В.С. Михайлова (в некоторых документах называют полковником, так как в царской армии он и был полковником, генеральский же чин ему дал Колчак, что далеко не всеми признавалось). Пока же Василий Степанович работал бухгалтером Новосибирского ТЮЗа, и я так и не выяснил, узнал ли он хотя бы перед расстрелом о назначении на столь высокую должность.

Вторым, Кузбасским округом «командовал» генерал Шереметьев, он

тоже должен был развернуть повстанческий корпус. Алтайским округом и соответствующей дивизией (так и не знаю, почему в планах ССР Алтай, в отличие от Нарыма и Кузбасса, должен был дать только дивизию. По логике надо бы наоборот!) «командовал» генерал Ефанов. Наконец, Новосибирским округом, в который входил и Томск вместе с прилежащими районами, «руководил» генерал Н.А. Эскин. Готовя округ к выступлению против советской власти, Николай Афанасьевич работал еще и в Водоканалтресте счетчиком сметной группы – высшее образование позволяло ему занять оба эти поста.

Правда, с Н.А. Эскиным у следователей не все сходилось. Я так толком и не понял, то ли Эскин как руководитель Сибирского монархического штаба дал задание подчиненному ему князю Волконскому сформировать в Томском и Асиновском районах повстанческий отряд (и что это за терминология для боевого генерала – отряд, надо бы корпус, дивизию, бригаду, полк, наконец!), то ли его сиятельство князь Волконский, как руководитель ССР, поручил его превосходительству генерал-майору Эскину командование округом?

Откуда брать кадры? Да в одном только Нарымском округе семьдесят тысяч переселенцев, кулаков, готовых выступить по первому приказу! А кадеты, участники черносотенных организаций, лица, служившие в прошлом в полиции и жандармерии!

Крестьянство, особенно ущемленное Советской властью, хорошо подготовлено участниками организации, достаточно только одной искры, как вспыхнет пожар восстания, в которой сгорит Советская власть и коммунистическая зараза. Правда, есть сложности в обеспечении этой армии командным составом – привлекаемых к делу бывших белых офицеров все же недостаточно, но это преданные люди, и они поведут за собой эту силу.

В директивах центра специально подчеркивается, что спецпереселенцы – это организованная и сплоченная масса. В этих же директивах поставлена задача максимального привлечения в организацию реакционной части научных работников томских вузов и студенческой молодежи.

Возникают сложности с оружием. На первое время предполагается захватить комендатуры, НКВД, военкоматы, Осоавиахим. Часть оружия – охотничьи ружья, ножи – придется просто купить у населения. Если восстание начнется летом, то обязательно захватить речной флот на Оби и Томи, командующим будет назначен лейтенант П.Н. Иванов.

Есть оружие и у директора Научно-исследовательского института математики и механики профессора Л.А. Вишневого. Он согласен передать его организации.

* * *

Надежда Львовна Вишневская рассказывала мне, что Лев Александрович был большим любителем охоты и у него в кабинете, действительно, хранилось несколько великолепных охотничьих ружей. Видимо, с этими-то ружьями да еще и обрезам генерал Эскин и предполагал одолеть подразделения НКВД и милиции, плюс 78-ю стрелковую дивизию, расквартированную тогда в Томске, и Томское артиллерийское училище. Впрочем, чекисты сумели найти свидетельства тому, что в командовании дивизии и училища почти сплошь сидели враги народа, большинство из них было расстреляно в том же 1937 году...

* * *

Закончить обсуждение планов ССР мне хочется сухими строчками прокурорского протеста по делу Ключева:
«Проверкой также установлено, что указанной в обвинительном заключении кадетско-монархической повстанческой организации в Западно-Сибирском крае не существовало и что материалы об этой организации сфальсифицированы бывшими работниками УНКВД ЗСК (материалы проверки, т. 1, лд 104-144 и т. 2, лд 222-235)».

Однако читатель вправе спросить: какое отношение к генералам и иным заговорщикам имеет поэт Николай Ключев? Конечно, никакого, но «привязать» Ключева к делу Волконского и «Союза спасения России» решил, по-видимому, начальник Управления НКВД С.Н. Миронов, заявивший на совещании руководящих работников внутренних дел Западно-Сибирского края: «Ключева надо тащить именно по линии монархически-фашистского типа, а не на правых троцкистов. Выйти через эту контрреволюционную организацию на организацию союзного типа».

Это было сказано 25 марта 1937 года, и уже в ночь на 9 апреля сотрудники Томского НКВД произвели первый арест, непосредственно повлиявший на жизнь поэта. Перед следователями Томского горотдела предстали юрист П.А. Ивановский, его квартирохозяин Г.М. Диков, преподаватель латыни А.П. Успенский и аспирант мединститута А.Ф. Голов.

Самым молодым из арестованных был Голов, к тому же следствию было известно, что Александр Федорович страдал психическим расстройством в форме мягко протекающей шизофрении. Ордер на арест Голова, утвержденный Овчинниковым, был выдан младшему лейтенанту госбезопасности Горбенко. Он и взялся за работу с наиболее перспективным подследственным.

* * *

2 апреля 1955 года следователь КГБ А. И. Спраговский допросил в качестве свидетеля по делу учителя физики Владимира Андреевича Семенцова, расстрелянного 19-20 августа 1937 года, гражданина Горбенко Георгия Ивановича, 1903 г. рождения, украинца, члена КПСС с 1925 года, имеющего высшее образование, не судимого, проживающего в Томске и работающего директором строительного техникума.

Свидетель показал, что он действительно работал в должности оперуполномоченного и временно замещал должность начальника третьего отделения Томского горотдела НКВД, вел, в основном, оперативную работу, однако в следственной группе не состоял. Следователь спросил его о фальсификации дел по «Союзу спасения России». «Ничего об этом не знаю», – ответил Горбенко. На этом допрос закончился. Семенцов В.А. в 1958 году был реабилитирован, а Георгий Иванович, допрашивавший его и «забывший об этом», продолжил активную деятельность по подготовке специалистов для народного хозяйства. Правда, несколько позднее его исключили-таки из рядов КПСС, но через полгода восстановили, оставив все же выговор, вскоре снятый. Умер он в 1972 году, окруженный почетом и уважением, так ни в чем и не покаядшись.

Чтобы больше не возвращаться к этой личности, отмечу сразу, что постановление об аресте Ключева составил и подписал 28 мая 1937 года Горбенко, ордер на арест Ключева получил в тот же день Горбенко, обыск и арест Ключева 5 июня 1937 года производил Горбенко, первый допрос Ключева проводил Горбенко, постановление о продлении срока следствия Ключеву составил и подписал тоже Горбенко. Не знаю точно, сколько именно членов ССР и других «врагов» арестовал и допросил Горбенко, знаю, что число это – трехзначное.

* * *

Материалы дела А.Ф. Голова весьма характерны и для всего следствия, поэтому часть из них стоит привести подробно.

Сразу после ареста на первом допросе следователь спрашивает: – Назовите фамилии всех ваших знакомых, проживающих в Томске. Как бы вы ответили на подобный вопрос? Голова, естественно, называет несколько аспирантов, врачей, соседей.

На второй день:

– В показаниях вы назвали не всех своих знакомых. Укажите дополнительные фамилии* [Не удивляйтесь стилю вопросов и ответов – это точные цитаты из протоколов] и обстоятельства вашего знакомства с ними.

Подследственный называет еще несколько человек. Тогда следователь ставит вопрос, так сказать, шире и целенаправленнее: – Кто вам известен из круга знакомых Ивановского, из разговоров с вами?

– В разговорах со мной Ивановский неоднократно мне рассказывал о писателе Ключеве, который выслан в Томск за какие-то контрреволюционные преступления, в частности, он якобы писал и пишет стихи антисоветского направления. Я лично Ключева не знаю. Ивановский неоднократно собирался меня познакомить с ним. Кроме того, Ивановский упоминал фамилию Лампе, с которым он поддерживал дружеские отношения, но я с ним ни разу не встречался. Помимо этого Ивановский поддерживал связь с бывшей княгиней Волконской, проживающей в Томске, ее я встречал на квартире Ивановского раза два-три, но он меня с ней не знакомил.

* * *

Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы заметить, что в показаниях арестованного записаны имена тех, кто нужен следствию, и это, конечно, не просчет «конспиратора» Голова, а маневр следователя Горбенко. Правда, не назван Диков, но Гавриил Максимович, малограмотный крестьянин из деревни Корнилово, имевший в Томске дом, в котором квартировал Ивановский, попал под арест «за компанию». Почему Голова не назвал Успенского, вернее, почему ему не продиктовали эту фамилию – не знаю, о самом же Успенском, как и о преподавателе английского языка Г.В. Лампе, речь впереди. Назвал Голова в числе известных Ивановскому лиц еще и находившуюся пока на свободе Волконскую.

После смерти мужа княгиня устроилась домработницей в семью доцента П.П. Тетерина. Друзья покойного и среди них Н.А. Ключев не оставляли вдову своим участием и вниманием. По всей вероятности, Волконские были знакомы с Ключевым еще по Петрограду, но, быть может, их познакомил уже в Томске Петр Алексеевич Ивановский, преподаватель юридического факультета университета. Впрочем, можно предположить, что наоборот, Волконские познакомили Ключева с Ивановским. Во всяком случае, они не отрицали знакомства друг с другом.

Нам сейчас важно отметить, что все они – Ключев, Ивановский, Успенский, Лампе, Волконские высланы в Томск, обязаны ежемесячно отмечаться в НКВД, и следователю Горбенко это хорошо известно. Впрочем, нетрудно видеть, что на первых двух допросах, 9 и 10 апреля 1937 года ни о какой контрреволюционной организации разговора нет – просто два человека беседуют об общих знакомых. Но через десять дней тон разговора меняется.

* * *

Горбенко: Вы арестованы и обвиняетесь в том, что до момента ареста являлись участником кадетско-монархического Союза спасения России, вели в нем активную контрреволюционную деятельность. Дайте по этому поводу самые подробные показания.

Голов: Я не знаю, о какой такой организации вы меня спрашиваете. Уверяю, что о существовании подобной организации мне ничего не известно, участником таковой я не являлся и не являюсь.

Теперь немножко пофантазируйте, и вы догадаетесь, почему некоторое время спустя Голов все вспомнил, а у Горбенко после смерти Сталина произошел провал памяти.

Горбенко: Следствию точно известно, что в контрреволюционную организацию «Союз спасения России» вы были завербованы Ивановским. Признавайтесь и давайте показания.

Замечу, что этот допрос датирован 19 апреля, а допрос Ивановского, из которого «следствию точно известно», судя по документам самого следствия, проведен лишь в мае. Тем не менее, Голов отвечает: – Признаю, что до сих пор я пытался скрывать от следствия свою принадлежность к контрреволюционной организации. Сейчас я понял, что в руках следствия имеются все нити к раскрытию этой организации, и свое сопротивление считаю бесполезным.

... Что и откуда он мог понять? Ведь следствие ему ничего не предъявило, документов нет, допросов других подозреваемых не проводилось, очных ставок не было, и Александр Федорович прекрасно понимал все это, но... Дальше все пошло уже без сучка и задоринки. Голов рассказал, вернее, подписал все, что надо следователю. «Идейными вдохновителями и руководителями организации являются поэт Клюев и бывшая княгиня Волконская... Клюев – человек набожный, за царя, сейчас пишет стихи и большую поэму о зверствах и тирании большевиков... Имеет обширнейшие связи и много единомышленников...» Но все же: «Личной связи с Клюевым и Волконской я не имел».

Еще через несколько дней Голов подписывает, что «Клюев и Волконская являются большими авторитетами среди монархических элементов в России и даже за границей... В лице Клюева мы приобрели большого идейного и авторитетного руководителя, который в нужный момент поднимет знамя активной борьбы против тирании большевиков в России... Клюев очень интересуется, кто из научных работников томских вузов имеет связь с заграницей».

Далее Голов признается уже в собственных «преступлениях», называет других участников Союза, рассказывает о том, как он приобрел браунинг, который, по студенческой бедности, пришлось продать, как затем, готовясь к террористическим актам, приобрел

обрез охотничьего ружья, и получает на основании ст. 58-2-10-11 восемь лет заключения в исправтрудлагерь с поражением в правах на пять лет. Дальнейшая его судьба мне не известна. Знаю лишь, что в январе 1950 года – задумайтесь над датой! – следственный отдел УМГБ на Дальнем Севере рассматривал дело по обвинению Голова А.Ф. Иначе говоря, когда он отбыл свои восемь, где-то там же на Колыме прожил еще пять, то, судя по тексту заключения по его делу, кому-то пришла мысль о необходимости нового ареста за старые грехи. Хотите – верьте, хотите – нет, но заместитель начальника следственного отдела подполковник Никитин написал в этом заключении, что показания Голова являются неубедительными, «подсказанными ему следователем, вызывают сомнения в их правдоподобности... Показания Ивановского, Успенского, Иванова и Дикова являются неубедительными и доказательством причастности Голова к антисоветской организации быть не могут... На основании изложенного полагал бы Голова Александра Федоровича аресту не подвергать». Начальник УМГБ на Дальнем Севере полковник Федаков утвердил это заключение, и произошло это, повторяю, за три года до смерти Сталина. Что случилось с Головым дальше – не знаю. Известно лишь, что он в 1960 году реабилитирован за отсутствием события преступления.

Все это так, но 19 апреля 1937 года в протоколе впервые – я уверен, что впервые, – появилась запись: Ключев – идейный вдохновитель и руководитель «Союза спасения России». Теперь Горбенко и К° надо было закрепить эту «победу».

* * *

Пятнадцатым мая датирован первый допрос самого старого из арестованных – ему было 63 года – преподавателя русского языка и латыни мединститута Александра Петровича Успенского.

Та же схема. Сначала разговор о прошлом Успенского, с точки зрения следствия далеко не безупречном: окончил духовную академию, работал в Сибирском областном совете и Сибирской областной Думе и даже управлял канцелярией по делам вероисповеданий в правительстве Колчака, из Омска с колчаковцами эвакуировался в Красноярск, где взят в плен частями Красной Армии. Сочувствовал правым эсерам, хотя ни в какой партии не состоял.

Все это не составляет преступления, и следователь говорит:

– Следствие настаивает дать правдивые показания о вашей принадлежности к контрреволюционной организации в Томске.

– Этого я признать не могу.

– Ваши попытки скрыть от следствия свое участие в контрреволюционной организации бесполезны, следствие вынуждено будет вас уличить показаниями других обвиняемых по

этому делу.

Никаких показаний других обвиняемых у следствия еще нет, лишь 19 апреля Голов сказал, что со слов Ивановского ему известно о принадлежности Успенского к организации. В протоколе не указано, чем же именно следствие пыталось уличить Успенского, что именно было предъявлено допрашиваемому, но Успенский сразу же сдался: – До сих пор я пытался скрыть от следствия свою принадлежность к контрреволюционной организации. Признаюсь, что до момента ареста я действительно состоял участником контрреволюционной монархической организации и проводил в ней активную деятельность против советской власти.

Разумеется, далее он показал, что идейным вдохновителем и руководителем организации является писатель Клюев, отбывающий в данное время ссылку в Томске, что Клюев – авторитетная личность, короче говоря, сказал теми же словами и то же, что и Голов, добавив, что «Клюев отбывает ссылку в Томске за продажу своих сочинений, направленных против Советской власти, одному из капиталистических государств. Сочинения Клюева были напечатаны за границей и ему прислали за них 10 тысяч рублей». Правда, государства, столь щедро вознаградившего поэта, Успенский не назвал.

– Лично вы были связаны с Клюевым?

– Нет личной связи с Клюевым я не имел. Ивановский, как я понял из его слов, с Клюевым знаком давно и находится с ним в близких отношениях.

Дошло дело и до Ивановского. По здравому смыслу именно на него и надо было «нажимать» в отношении Клюева – ведь и Голов, и Успенский с Клюевым не знакомы, знают о его роли с чужих слов, главным образом, со слов Ивановского.

Не знаю, подействовала ли на Ивановского долгая отсидка без допроса, или, наоборот, за это время уже прошло несколько незапротоколированных бесед со следователями, или он, опытный юрист, выпускник Варшавского университета, понимал, что в этой ситуации сопротивление бессмысленно, или – еще проще – следователю надоело писать длинные протоколы «с преамбулой», но Ивановский сразу же начал давать показания. И, тем не менее, в протоколе допроса Ивановского Клюев упоминается совершенно случайно. Перечисляя знакомых ему членов организации, Ивановский шестым по порядку называет: «Клюев, поэт». И больше ничего, ни руководящей, ни организующей, ни вдохновляющей, ни какой-либо еще роли Клюеву он не приписывает, о нем записано меньше, чем скажем, о Ефиме Яковлевиче Лопухове, садовод-пчеловоде пединститута, арестованном в один день с Клюевым. Беззаконие – беззаконием, но все-таки даже Горбенко, наверное, понимал, что жиденьких показаний Голова, Успенского и

Ивановского на солидное обвинение не хватает.

23 мая был арестован, 27 и 29 допрошен Георгий Викторович Лампе, юрист по образованию, немец по национальности, преподаватель английского языка.

У Лампе несколько иной круг знакомых, чем у Голова, он и называет в числе членов «Союза спасения России» научного сотрудника библиотеки ТГУ В.Н. Покровского, доцента ТГУ А.К. Минятова, студента ТГУ Александра Чуича, сына директора пединститута, профессора ТГУ В.А. Хахлова, и даже упоминает патриарха сибирской математики 76-летнего Федора Эдуардовича Молина, дочери которого он давал частные уроки английского. На одном из последующих допросов он рассказывает, что неоднократно говорил с профессором Вишневым о технике подготовки восстания и вооружении повстанцев, приводит массу интереснейших подробностей, но почему-то называет Вишневого не Львом Александровичем, а Александром Николаевичем. И куда следователь смотрел? Или следователь Романов, допрашивавший Вишневого, не успел сообщить следователю Горбенко, что и как надо записать в протокол?

О Ключеве Георгий Викторович сказал так:

– В одном из разговоров Ивановский сообщил мне, что он знаком с Ключевым, отбывающим ссылку в Томске, и отозвался о нем как об интересном человеке. Я высказал свое желание с ним познакомиться. Вскоре Ивановский и Ключев были у меня на квартире по ул. Красноармейской №70. После этого я больше с Ключевым не встречался. Могу характеризовать его как яркого противника советской власти с контрреволюционными монархическими взглядами.

Это после единственной-то встречи! И подобные показания послужили основанием для ареста?!

26 мая арестована и 28 мая допрошена Елизавета Александровна Волконская. На этот раз, как Горбенко ни старался, добиться ему ничего не удалось – ложь она не подписывала.

... Да, квартиру нашу посещали многие – Голубин Сергей Иванович, художник-академик, его сын Голубин Глеб Сергеевич, тоже художник, Левицкий-Щербина Георгий Леонардович, заведующий столовой научных работников, Трегубов Иван Филиппович, кустарь, Ивановский Петр Алексеевич, административно ссыльный, Брюллов,* [Брюллов Борис Павлович, внук художника К.И. Брюллова] художник, административно ссыльный, Лукин, художник.

Происходили ли между ними контрреволюционные разговоры – не знаю.

... Как попала к нам эта листовка – не знаю.

... С иностранцем Гансен** [Следователю эту фамилию не склоняет, и протоколе так и записано: «с иностранцем Гансен...»] я не виделась и

ничего о нем не слышала. Встречался ли с ним мой муж – я не знаю.
С кем Волконский переписывался – я ничего не знаю.

Очная ставка Волконская – Голубин. Волконская все отрицает.

Очная ставка Волконская – Ивановский. Тот же результат.

Ни разу в ходе дела Елизавета Александровна не упоминает имени Ключева, ее о нем ни разу и не спрашивают. Однако в обвинительном заключении записано, что именно она осуществляла связь руководства с Ключевым и другими.

Волконская виновной себя не признала ни в день ареста, ни накануне расстрела.

29 мая Горбенко арестовал и сразу же допросил Г.С. Голубина. Очень торопился – обыск проводил в присутствии одного понятого, вернее, понятой, Агафьи Петровны Вершининой, а постановление об обыске и аресте вообще предъявил арестованному лишь через две недели, 14 июня. Видимо, много было работы.

Глеб Сергеевич Голубин... Студент-химик, художник, он добровольно пошел сражаться за «веру, царя и отечество» во время первой мировой войны, был тяжело ранен – осколками снаряда ему раздробило ногу, перенес голод, тиф. Вскоре после ареста тюремные медики подтвердили, что у подследственного остеомиелит, но, тем не менее, «следовать в исправительно-трудовой лагерь может». Он и проследовал туда на десять лет, отбыл их, имел еще пять лет поражения в правах, учил детишек живописи в Мариинске, там и скончался, не дождавшись реабилитации. Смерть его скрыли от ослепшего еще в 1943 году Сергея Ивановича, того самого художника-академика, о котором упоминает Волконская. Кстати, старые томичи, особенно медики, хорошо знали С.И. Голубина, ученика Репина и Куинджи, много и охотно рисовавшего для кафедры судебной медицины и кафедры глазных болезней, а на кафедре фармакологии и сейчас висит широко известный по каталогам «Портрет профессора Н.В. Вершинина».

Голубин-младший на допросах показал немало, назвав в числе участников организации и уже упоминавшихся А.Г. Сватикову и Г.Х. Иогансена, и известного психиатра профессора Александра Августовича Перельмана, и художника Вильгельма Ивановича Лукина (он делал рисунки к научным работам знаменитого хирурга академика А.Г. Савиных), и Б.П. Брюллова, и директора музыкального училища Я.С. Медлина, и многих других – похоже, он перечислял всех, кто бывал у Сергея Ивановича или чьи портреты были им написаны. Но вот немаловажная деталь.

Вопрос: Кто входил в руководящий состав монархической организации в Томске?

Ответ: Из руководящего состава организации мне лично известны Волконский, профессор Галахов, ссыльный Брюллов. С Волконским и Брюлловым я был лично связан, о Галахове знаю со слов

Волконского.

О Клюеве следователь не задал Голубину ни одного вопроса. А ведь раз Голубин достаточно близок к Волконскому, раз он бывал у него в доме, то уж о Клюеве и его роли он должен был знать, и следователь обязан был об этом его спросить или даже напомнить. И уж в о всяком случае написать. Ничего этого нет. Почему?

* * *

Когда Горбенко допрашивал Волконскую, его коллеги составили, а начальники подписали и утвердили бумагу, которую следует привести целиком.

Утверждаю:

Нач. Томгоротдела НКВД капитан Госбезопасности подпись
(Овчинников)

Справка

на арест Клюева Николая Алексеевича

Клюев Николай Алексеевич, 1870 г. рождения, уроженец Ленинградской области, беспартийный, русский, гр. СССР. В г. Томск выслан из Ленинграда за контрреволюционные преступления, по своему прошлому принадлежит к реакционной части поэтов монархического направления, проживает в г. Томске, по ул. Старо-Ачинской №13, кв. 1.

Имеющимися материалами в Томском Горотделе НКВД установлено, что Клюев Николай Алексеевич является руководителем и идейным вдохновителем существующей в г. Томске контрреволюционной, монархической организации «Союз спасения России», в которой принимал деятельное участие, группируя вокруг себя контрреволюционно настроенный элемент, репрессированный Соввластью.

Присутствуя на контрреволюционных собраниях, Клюев выдвигал вопросы борьбы с советской властью путем вооруженного восстания.

Проживая в Ленинграде, Клюев увязался с представителями иностранного государства и продал им свои контрреволюционные произведения, которые, как выяснилось впоследствии, были напечатаны за границей.

Будучи враждебно настроен к существующему строю, находясь в ссылке в г. Томске, Клюев продолжает писать стихи контрреволюционного характера, распространяя их среди участников контрреволюционной организации.

Установлено, что некоторую часть своих контрреволюционных произведений Клюев переотправил за границу и из г. Томска через соответствующих лиц, имеющих связи с представителями иностранных государств.

В целях пресечения дальнейшей контрреволюционной деятельности Ключев Николай Алексеевич подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст.58-2-10-11.

Нач. 3-го Отд. Том. ГО НКВД

Лейтенант Госбезопасности подпись (Великанов)

28 мая 1937 года г. Томск

Справка снабжена печатью и подписью военного прокурора 78-й стрелковой дивизии военюриста второго ранга Генина. Как дальше сложилась его жизнь, мне не удалось установить, как не могу и объяснить, почему военный прокурор санкционировал арест сугубо гражданского человека.

* * *

В повествовании о гибели Ключева появилось еще одно имя – лейтенант Великанов. Он сделал неплохую карьеру – работал во время войны в органах «Смерш», дослужился до полковника (имя его упоминается в документах по делу шведского дипломата Рауля Валленберга, интернированного в 1945 году в Будапеште и, по-видимому, погибшего вскоре на Лубянке), руководил Томским областным управлением МГБ, затем был переведен с повышением в Прибалтику. Но связей с городом юности не прерывал, часто приезжал сюда – любил охотиться в компании с тогдашним первым секретарем обкома КПСС Василием Арсентьевичем Москвиным и начальником Управления МГБ полковником Степаном Адамовичем Прищепой, бывшим его заместителем.

В пятидесятые годы новое поколение томских чекистов обратилось к истории своего Управления. Оказалось, что Великанов ответственен за фальсификацию пятисот с лишним дел. Его исключили из партии, разжаловали, уволили из органов госбезопасности, лишили восьми орденов и двух знаков «Почетный чекист», а еще немного спустя он погиб в дорожном происшествии.

* * *

«Справка» заставляет задуматься еще кое о чем. Николай Алексеевич родился в 1884 году в деревне Коштуги. В справке указан 1870 год, Ленинградская область. И это не опечатка – в протоколе от 6 июня рукой Горбенко записана та же дата, она же позднее записана и в протоколе заседания «тройки». Правда, в отличие от справки, место рождения указано далее повсюду «дер. Макеево Кирилловского уезда Новгородской губернии». Одно расхождение объяснить нетрудно: родился он в деревне Коштуги Вытегорского уезда, но приписан был к деревне Макеево Кирилловского уезда. Но чем

объяснить расхождение в годе рождения?

Далее. Поэт был арестован 2 февраля 1934 года в Москве, оттуда и выслан, а в справке написано, что выслан из Ленинграда, правда, в протоколе записано, что выслан из Москвы, но в 1930 году. А ведь протокол собственноручно подписан Ключевым! Не заметил ошибок следователя?

Пункт 14 установочных данных протокола допроса от 6 июня формулируется так: Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)?

а) до революции.

Естественным должен бы быть ответ: в 1906 году Олонецким жандармским управлением по обвинению в противоправительственной деятельности заключен в Вытегорский острог, откуда переведен в губернскую Петрозаводскую тюрьму, отбыл шесть месяцев.

А в анкете: «не подвергался». Впрочем, тут, пожалуй, объяснение простое – не хотелось члену ВКП(б) с 1925 года Горбенко записывать, что посадил он участника событий русской революции 1905-го года. Все остальное тоже липа, но зачем врать там, где можно не делать этого? Что это? Доказательство небрежности в проведении следствия, действительно характерной для тех времен? Несомненно. Но мне хочется высказать еще одно предположение, хотя, быть может, оно покажется совершенно неправдоподобным. Николай Алексеевич понимал, что он, больной, без тюрьмы и приговора умирающий, отсюда не выйдет, что он обречен. Но он умышленно согласился на эту ложь, чтобы мы сегодня уже при первом взгляде на его «дело» поняли, что шито оно белыми нитками.

* * *

Одновременно со «Справкой» было составлено и «Постановление об избрании меры пресечения», в котором оперуполномоченный 3-го отделения Томского Горотдела НКВД Горбенко, рассмотрев следственный материал (ложь, нечего ему было рассматривать, не было никакого материала), счел Ключева достаточно изобличенным и постановил мерой пресечения избрать арест. Ему же был выдан соответствующий ордер. Работы было много, и Горбенко едва не нарушил законность – срок действия ордера – девять суток, выдан он 28 мая, а арест произведен только пятого июня, на восьмые сутки!

* * *

Форма №4

Протокол обыска

1937 года июня 5 дня я, оперуполномоченный 3-го отдела УГБ

Горбенко на основании ордера НКВД за номером 656 произвел обыск у гражданина Клюева Николая Алексеевича, проживающего в г. Томске по ул. Старо-Ачинской 13, кв. 3. При производстве обыска присутствовали граждане Пуртов.* [На типографском бланке протокола обыска предусмотрено множественное число – понятых по закону должно быть не менее двух. Но в этот протокол вписан лишь один Пуртов, видимо, других искать было некогда. Да и квартира в «Справке» значилась под №1. Священник Александр Иванович Пуртов, сосед поэта, вскоре тоже был расстрелян]. Согласно полученным указаниям задержано у гражданина Клюева Н.А. и изъято для предъявления следующее:

Тетрадь рукописная Клюева, 4 листа.

Рукописи на отдельных листах – 6 штук,

Удостоверение личности №4275, выданное НКВД – одно.

Разных книг – 9 штук.

Протокол подписал Горбенко, арестованный расписался в получении копии протокола.

Из изъятого при обыске в архиве КГБ сохранилось лишь удостоверение:

СССР.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма №8

УПРАВЛЕНИЕ НКВД

по Запсибкраю

Томский Горотдел

«5» янв. 1937 г.

№4275

г. Томск

УДОСТОВЕРЕНИЕ

(взамен паспорта)

Дано административно ссыльному Клюеву Николаю Алекс., в том, что он состоит на учете в Томском Горотделе Н.К.В.Д. и обязан проживать в гор. Томске без права выезда за пределы указанного пункта.

Обязан явкой на регистрацию в Томский Горотдел Н.К.В.Д. ежемесячно каждого «1 – 20» числа.

При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию удостоверение недействительно.

Начальник ГО НКВД ст. лейтенант госбезопасности

Овчинников был еще старшим лейтенантом, но подписал удостоверение не он, а Великанов. А на обороте указаны два последних адреса Клюева: ул. Мариинская, дом. №38 и – с 16 апреля

– Старо-Ачинская, дом. №13. На регистрацию административно ссыльный Ключев последний раз явился 7 мая 1937 года.

Из протокола ясно, что чемодан с рукописями, увы, легенда, но совсем не ясно, где же рукописная тетрадь из четырех листов и шесть листов отдельных рукописей. В деле они нигде не упоминаются и подследственному на допросах не предъявлялись, хотя изъяты именно для этой цели. В приговоре есть фраза «лично принадлежащее ему имущество конфисковать». Наверное, рукописи тогда сожгли, ну а книги? Ведь почти наверняка они в Томске, может быть, даже у наследников Г.И. Горбенко?

* * *

Протокол первого допроса, кроме установочных данных, ничего интересного не содержит. Собственно, и допроса-то не было, был лишь очень странный в устах следователя вопрос и явно не ключевский – по стилю, по мысли, – ответ. Вот они.

Горбенко: Скажите, за что вы были арестованы в Москве и осуждены в ссылку в Западную Сибирь?

Ключев: Проживая в г. Полтаве, я написал поэму «Погорельщина», которая впоследствии была признана кулацкой, я ее распространял в литературных кругах в Ленинграде и в Москве. По существу эта поэма была с реакционным антисоветским направлением, отражала кулацкую идеологию.

Вот и все. Далее стандартная фраза: «Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан». Подпись Ключева, подпись с указанием должности и звания – Горбенко.

* * *

Тщательно просматривая дело Ключева, я так и не смог установить, что же происходило с Николаем Алексеевичем между 6 июня и 9 октября. Четыре месяца пустоты – я имею в виду пустоту в бумагах – ни заявлений, ни протоколов допросов или очных ставок, лишь второй протокол, протокол от 9 октября. Есть еще протоколы допросов десяти других членов ССР, на часть из них я уже ссылался. Но почему нет ни одного документа непосредственно относящегося к Ключеву? Попробую дать ответ на этот вопрос.

После ареста Ключева и одновременного ареста еще пяти человек (А.Н. Беляева, счетовода гормолзавода, И.М. Воскресенского, преподавателя русского языка транспортного института, А.Г. Ковригина, преподавателя русского языка университета, Р.Р. Платонова, счетовода центральной поликлиники и уже упоминавшегося Е.Я. Лопухова), следствию легче не стало – ничего нового придумать не удавалось.

Почти ничего нового не дали и показания арестованных тоже в июне, но несколько позднее, В.Н. Покровского, П.Н. Иванова, В.А. Семенцова и даже более значительных Г.Л. Левицкого-Щербина и М.А. Слободского.

Георгий Леонардович Левицкий-Щербина был до революции жандармским офицером, но почему-то оказался призванным в Красную Армию (бывших жандармов в РККА не брали), дезертировал, служил у Колчака. В 1926 году осужден ОГПУ и выслан в Томск. Работал заведующим отделом питания ТГУ. Он, конечно, ненавидел советскую власть и мог бы при известных обстоятельствах стать в ряды борцов с нею. Но следствие ничего не доказало, суда не было. И расстреляли Г.Л. Щербину 31 августа 1937 года, нарушив не только нравственные, но и юридические нормы. О Клюеве он, один из руководителей «Союза спасения России», не сказал ни слова. Ничего о Клюеве не сказал и Михаил Александрович Слободской, в прошлом – преподаватель мужской гимназии, член конституционно-демократической партии (кадет), бывший начальник отдела в Министерстве просвещения у Колчака.

Кстати, я в своих записках называю имена лишь тех членов «Союза спасения России», которые хоть как-то упоминаются в материалах по делу Клюева, вовсе не преследуя цели перечисления всех невинно осужденных по этому делу.

Так вот, повторяю, дела следствия в июне-июле продвигались плохо, и я уверен, что Клюева в это время допрашивали «активно». А протоколов нет, ибо этот горящий на своей «Погорельщине» правнук сгоревшего на костре пустозерском протопопа Аввакума (так называл себя Николай Алексеевич), этот упорный и непреклонный старовер не сгибался и нужных следствию протоколов не подписывал. Пытать его было бессмысленно, он и без пыток умирал телесно, но духовно сломить его было невозможно, хотя какие-то попытки в этом направлении следствие и применяло. Вот в чем и состоит мой ответ на вопрос о причинах пропуска записей в деле Н.А. Клюева за три летних месяца 1937 года. Есть ему и два косвенных подтверждения. Официально продленный срок содержания Клюева под стражей истек 10 октября 1937 года. Вот и возник второй протокол, протокол от 9 октября, а вслед за ним, в тот же день, и обвинительное заключение – дальше затягивать дело было нельзя, ибо это было бы «нарушением социалистической законности», на страже которой твердо стояли работники Томского НКВД. Вот и написали они довольно объемистый протокол – шесть страниц, к которым нам еще предстоит обратиться. Я убежден, что этот протокол составлен из материалов нескольких незафиксированных допросов.

И второе. Увидев впервые протоколы от 6 июня и 9 октября, я вынужден был обратиться к экспертам-криминалистам – очень уж

различными были подписи Николая Алексеевича на этих протоколах. Подделка? Но старший эксперт-криминалист УВД Томского облисполкома майор Е.И. Голышев, ознакомившись с документами, пришел к выводу, что нет оснований предполагать фальсификацию, однако характер подписей на втором документе позволяет утверждать, что подписывавший находился в тяжелом психофизическом состоянии. Конечно, не одна только болезнь привела Н.А. Ключева к этому состоянию.

* * *

Массовые аресты лета 1937 года, как я уже сказал, почти ничего следствию не дали, надо было придумывать что-то новое. Не знаю, кто вспомнил о том, что еще в 1936 году Ключев привлекался к ответственности как участник церковной контрреволюционной группировки. А может быть, никому ничего в голову не приходило, просто П.Н. Иванов подбросил следствию новую идею, сказав: – Ключев также говорил мне, что он в Томске установил связи среди бывшего и в данное время действующего духовенства и церковного актива, которые, как он выражался, верны спасению России, ведут работу против коммунистической власти и что он активно помогает этой организации.

Конечно, не в Ключеве причина, НКВД давно уже активно боролся с церковью. Бороться с религией не так-то просто, а вот с церковью – никаких проблем. И действительно, церквей в Томске к 1937 году уже почти не оставалось, хотя священников, бывших и действующих, было еще немало. За них и взялся атеист Овчинников.

Видимо, за весну 1937 года его подчиненные кое-чему научились. Аресты священников произвели быстро, показания записаны аккуратно, все, что нужно, подследственные излагали по первому же указанию следователей. А следователи Чагин, Лихачевский, Казанцев, Миронов, уже известный читателю Горбенко и другие обязательно спрашивали о Ключеве и записывали показания, из которых вырисовывается мрачный портрет грозного врага народа, монархиста, контрреволюционера, идейного вдохновителя и руководителя и прочая, прочая, прочая.

* * *

14 августа 1937 года показания дает епископ Ювеналий, в миру Иван Николаевич Зиверт, назвавший себя «активным участником монархической организации церковников с начала 1935 года». В «Союз спасения России» он завербован еще в Москве – факт достопримечательный, ибо до его показаний ССР все же называют лишь сибирской организацией, а тут совсем иной размах! В «Союз»

входят едва ли не все московские священники, и митрополит Воронежский, и митрополит Свердловский, и все, кого только мог вспомнить после месяца пребывания в подвале Томского ГО НКВД далеко не молодой подследственный. Более того, он и в Томск-то прибыл не столько для руководства местной епархией, сколько «по заданию митрополита Виссариона для проведения контрреволюционной деятельности и создания повстанческих групп и отрядов в кулацкой ссылке и селах, прилегающих к Томску». Приехав в Томск в сентябре 1936 года, Зиверт узнал от священника Назарова, лично связанного с Ключевым, что последний – активный участник кадетско-монархической повстанческой организации, с ним-то и надо иметь дело.

Вопрос: Вы установили связь с Ключевым?

Ответ: Да, я с Ключевым связался через протоиерея Назарова. Встреча состоялась на квартире Назарова (в это еще можно поверить, Иван Григорьевич Назаров жил на пер. Красного Пожарника, 8, то есть через дом от Николая Алексеевича – Л.П.). Там я Ключеву объяснил свои цели, с которыми приехал в Томск. Он был очень рад моей информации и в свою очередь сказал мне, что здесь, в г. Томске, сколочена довольно многочисленная кадетско-монархическая организация, ведущая активную деятельность по подготовке восстания. Ключев мне сказал, что он лично активизировал церковников (это по выходе-то из тюрьмы, парализованный, полуслепой, практически неподвижный – Л.П.). В результате последние создали ряд повстанческих групп в Нарыме, в Томске, Асиновском, Кожевниковском, Шегарском и других районах, прилегающих к Томску. Мы договорились с Ключевым активизировать в дальнейшем церковников и контактировать свою деятельность с руководством кадетско-монархической организации. Ключев мне высказал сожаление по поводу смерти главы кадетско-монархической организации в Томске князя Волконского, но сказал, что во главе организации остались довольно опытные люди, назвал бывшего князя штабс-капитана белой армии Ширинского-Шихматова, бывшего ротмистра начальника жандармского управления Левицкого-Щербину и кадета Слободского. Ключев обещал мне познакомить меня с этими лицами и организационно увязать.

Интересный же человек этот епископ Ювеналий! И говорит-то он канцелярским языком тридцатых годов, и называет-то имена тех, кого накануне арестовали, и Ключева разоблачает, нисколько не задумываясь о том, что будь он, Ключев, самым плохим конспиратором, и то бы не стал незнакомому человеку в первый же день выкладывать такие подробности.

... Часто думаю о тех, кто арестовывал, допрашивал, расследовал, составлял документы. Поражает невероятная юридическая

безграмотность, алогичность в «доказательствах», откровенный примитивизм.

Почему, например, следствие не провело очную ставку Зиверт – Ключев? Или все-таки проводили, только Ключев не подтвердил показаний Зиверта, вот и не был составлен ненужный следствию протокол?

29 августа 1937 года показания дает священник Ивановской церкви И.Г. Назаров, арестованный 16 августа на основании показаний И.Н. Зиверта. В день ареста на стандартный вопрос о знакомых он назвал девять человек, в основном – священников, в том числе и Зиверта. Ключева он не упомянул.

Вопрос: Вы не всех участников монархической организации назвали следствию. (Да никого он вообще не называл, он лишь знакомых перечислил, а не заговорщиков! – Л.П.).

Ответ: Да. Я еще лично знаком с монархистом, сосланным из Москвы, поэтом-писателем Ключевым Николаем Алексеевичем. Ключев рассказывал о своей связи с бывшими князьями, с которыми ведет большую работу по воссозданию кадетско-монархической повстанческой организации бывших офицеров, кулаков и вообще всех бывших людей, имевших в прошлом большое состояние, привилегированное положение.

Вопрос: Кто осуществлял руководство вашей к-р организацией?

Ответ: После ареста 19 участников нашей кадетско-монархической организации вдохновителем и продолжателем у нас является Ключев, с которым я был тесно связан. Ключев познакомил меня и Зиверта с бывшим князем штабс-капитаном Ширинским-Шихматовым, который перешел на нелегальное положение, служил в Троицкой церкви священником.

Вопрос: Какие еще получали задания?

Ответ: По поручению Зиверта и Ключева я проводил активную обработку лиц, подготавливал их к вербовке и вербовал в к-р монархическую организацию.

Надо ли писать о том, что в делах нет протоколов очных ставок и с Назаровым? Впрочем, со многими участниками ССР их уже и не могло быть – с середины августа начались массовые расстрелы членов «Союза спасения России»... В их числе одним из первых оказался И.Г. Мельников, «важный свидетель» по делу Н.А. Ключева.

* * *

Весной 1937 года Мариинский райздравотдел выдал заведующему Мелехинской школой первой ступени (Мелехино – село в 20 километрах к северо-востоку от Мариинска) И. Г. Мельникову путевку для лечения в Томском ИФМЛ.* [ИФМЛ – Институт физических методов лечения, ныне институт курортологии].

Короткая биография Ивана Григорьевича не представляет ничего особенного. Крестьянский сын (в одном документе – из кулаков, в другом – из середняков, в анкете указано, что родители – колхозники), сменил несколько мест работы, учился на рабфаке, учительствовал. Женился на дочери священника, тоже учительнице. Подобный брак для педагога был по тем временам не очень удачным. Школу пришлось оставить, переехал в другой район, стал буровым мастером. Призвали в армию, но служил недолго – уволили за антисоветские настроения. Вернулся в школу.

20 апреля 1937 года Мельников приехал в Томск. Остановился он в доме по Старо-Ачинской, 13, где снимал квартиру дядя его жены священник Троицкой церкви Я.Л. Соколов – имя для читателя новое, а адрес – знакомый. Через неделю Мельников поступил в ИФМЛ на лечение, а еще через три недели, 18 мая, был арестован прямо в больничной палате. За что и почему?

8 мая следователь НКВД Миронов допросил в качестве свидетеля гр-на Цыбина Андрея Михайловича, 1910 года рождения, мордвина, комсомольца, слесаря из Кузбасса.

– Вы подали заявление о том, что в ИФМЛ среди больных проводится антисоветская агитация. Скажите конкретно, кто ведет среди больных эту агитацию?

– Контрреволюционную агитацию среди больных ведет находящийся на излечении преподаватель школы Мельников Иван Григорьевич из 46-й палаты.

Аналогичное заявление подал и гр-н Шведов Н.Ф., 1899 года рождения, русский, член ВКП(б), краснознаменец, служащий из Бийска. 11 мая Миронов допросил и его. Шведов показал, что да, Мельников вел контрреволюционную агитацию, причем не только один на один, но и в присутствии многих больных. Николай Федорович назвал фамилии четверых, не считая Цыбина.

Миронов действовал энергично. В течение трех дней он вызвал и допросил всех четверых, двух мужчин и двух женщин, двух комсомольцев и двух беспартийных, все четверо – рабочие из Кузбасса. Все они подтвердили, что знают Мельникова с 27 апреля, что он настроен антисоветски, ведет контрреволюционную агитацию и пропаганду, и вообще – контрреволюционер. Доказательства?

Одна из них, Мария Ивановна, например, сказала так:

– Мельников – активный антисоветчик. Мы с ним как-то вечером гуляли по улице, а навстречу – красный командир. Мельников и говорит: «Как плохо одета наша Красная Армия! То ли дело царские офицеры!»

Марии Ивановне, как, впрочем, и самому Ивану Григорьевичу, в семнадцатом году было шесть лет, и она едва ли помнила, как именно выглядели офицеры царской армии, но клевету на Красную Армию она уловила сразу. К тому же Мельников еще и анекдоты

рассказывал.

Двух доносов и четырех свидетелей оказалось достаточно, чтобы начальник горотдела НКВД подписал справку на арест, а прокурор этот арест санкционировал.

Судя по документам, Мельникова долго «выдерживали» – первый допрос состоялся лишь 16 августа. Следователь Казанцев* [Павел Авдеевич Казанцев (1909-1984) не был следователем Томского ГО НКВД. Его в 1937 г. прикомандировали в Томск, т.к. местные чекисты не справлялись с большим объемом работы. В 1965 г. исключен из КПСС, лишен 50% пенсии. Умер в Томске] ни в чем не обвинял подсудимого, записал лишь установочные данные и попросил назвать знакомых Ивана Григорьевича в Томске. Первым он, естественно, назвал Я. Соколова, а вторым – Клюева Николая Алексеевича, ссыльного поэта.

– С какого времени вы с ним знакомы?

– С 20 апреля 1937 года.

– При каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

– Я приехал лечиться в Штаммовский институт и остановился в квартире своего родственника Соколова Якова Леонтьевича. Клюев Николай Алексеевич проживал в этой же квартире, и хозяин этого дома (фамилии его я не знаю) познакомил меня с Клюевым. Вот так, все естественно, наверное, все так и было. Но такая правда выглядела несолидно, и Казанцеву, видимо, дали соответствующие указания. Полагаю даже, что ему был хороший нагоняй, ибо уже на второй день, 17 августа, в протоколе записано иное.

Полностью сменив показания, Мельников, так записано в протоколе, признался, что он состоит в монархической повстанческой организации, ведет активную контрреволюционную работу, связан с «Союзом братства русской правды» и «Российским общевоинским союзом», контактирует с японской разведкой, завербовал в организацию едва ли не половину актива колхозов «Трудовик» и «Показатель Сталина».

– Вы Клюева знаете?

– Знаю.

– Вы с ним встречались?

– Да, встречался.

– Каким образом, когда и где?

– Я 24 апреля прибыл в Томск по путевке. Когда я получил возможность выхода в город, я стал заходить к завербовавшему меня в организацию Соколову, и мы у него на квартире вели контрреволюционные разговоры. 14 мая 1937 года я, как всегда, пришел к Соколову. У Соколова я нашел человека, которому и был представлен, как участник организации. В свою очередь Соколов мне отрекомендовал этого человека активным деятелем нашей организации. Человек, которому я представлялся, назвал себя

Клюевым Алексеем Николаевичем (именно так – Л.П.), ссыльным поэтом.

Далее Мельников рассказал о роли Клюева, о его планах «беспощадной борьбы и уничтожения коммунистов. Мы с Клюевым договорились о встрече, но она так и не состоялась, потому что я через непродолжительное время был арестован».

Вот теперь с точки зрения НКВД все было в порядке – явная контрреволюция. А уж 20 или 24 апреля или даже 14 мая, кто познакомил – квартирновладелец или квартиросъемщик и как зовут Клюева – какое это все может иметь значение? Преступление раскрыто!

Дело Ивана Григорьевича Мельникова было пересмотрено ранее других. Расследовалось оно весьма тщательно – ведь тогда еще не было Указа Президента, отменившего все неправосудные приговоры. Чекисты в 1959 году разыскали одного из четырех свидетелей и допросили его. Вот что он сказал:

– С предъявленными мне показаниями я ознакомлен. Однако подтвердить их не могу, так как они от начала до конца вымышлены самим следователем. Помню, в два часа ночи меня вызвали в органы НКВД. Я очень нервничал и предупредил гардеробщицу, чтобы в случае, если я не вернусь, сообщила бы мне домой. В ожидании допроса я очень волновался. На допросе сотрудник НКВД спросил меня о гражданине, с которым через одного я сидел на концерте. Я подтвердил, что знаю этого гражданина как больного. Вот и все. Действительно, вот и все.

* * *

Быстро было проведено следствие и по делу другого «важного свидетеля», Аникиты Андреевича Ширинского-Шихматова, арестованного 22 июня, приговоренного к расстрелу 3 сентября и расстрелянного 17 сентября 1937 года. Главный допрос состоялся 19 июля.

Вопрос: Следствию известно, что вы по происхождению бывший князь и являетесь сыном крупного чиновника МВД царского правительства. Так ли это?

Ответ: Да, правильно. По происхождению действительно бывший князь. Отец мой имел имение до десяти тысяч десятин земли в бывшей Тверской губернии. До революции отец служил в различных учреждениях царского правительства, последнее время являлся членом Совета министров.

Вопрос: Следствию также известно, что вы в прошлом – офицер.

Скажите, в каких армиях вы служили и в каком чине.

Ответ: В 1914 г. я окончил Пажеский корпус, его специальный класс, по роду войск – пехота, равнявшийся военному училищу, выпущен

был в чине прапорщика. Участвовал на фронтах империалистической войны, после революции ушел из армии в чине штабс-капитана. В других армиях не служил. С 1933 года стал священнослужителем в Москве. В Томске с 1936 года, приехал в апреле после освобождения из Яйского отделения Сиблага, где отбывал три года заключения. Первое время служил пономарем, с марта 1937 года священник Троицкой единоверческой общины.

Вопрос: Вам известен Ключев Николай Алексеевич?

Ответ: Да. Ключева Николая Алексеевича я знаю.

Вопрос: Кем и когда вы были привлечены в контрреволюционную организацию?

Ответ: В состав кадетско-монархической организации я вошел через Ключева Николая Алексеевича в конце сентября 1936 года или в начале 1937 года.

Внимательный читатель, надеюсь, вы еще не забыли о том, в каком состоянии был в это время Н.А. Ключев? Но капитану Овчинникову – допрос бывшего князя он вел лично! – было не до этих мелочей.

Овчинников: При каких обстоятельствах вы были вовлечены в состав контрреволюционной организации?

Ширинский-Шихматов: После ряда бесед на контрреволюционные темы с Ключевым Николаем Алексеевичем, он сообщил мне, что в городе Томске существует контрреволюционная монархическая организация, ставящая своей задачей вооруженное свержение Советской власти. В этом же разговоре Ключев Н.А. указал, что желательно и необходимо мое участие в этой организации, так как я могу принести в нужный момент большую пользу для истинно русского народа, находясь в монархической организации. Будучи врагом существующего строя в России, я дал свое согласие на участие в контрреволюционной организации.

* * *

Наверное, хватит? В материалах следствия есть еще немало показаний священников томских церквей, служивших в тридцатые годы. Я хочу сейчас обратиться к иному свидетельству, свидетельству наших дней.

... Осенью 1989 года в Петропавловском соборе города Томска состоялась панихида по Николаю Ключеву. Совершил ее отец Леонид, благочинный православных церквей Томской области. Тогда я и познакомился с Леонидом Михайловичем Хараимом. Естественно, немало мы говорили с ним и о гибели Ключева, и о свидетельствах против него томских священнослужителей, более того, я подарил отцу Леониду копии ряда документов, относящихся к этому делу. – Лев Федорович, имейте, пожалуйста, в виду, что встречи Ключева с Зивертом и другими священниками мало вероятны, практически они

исключены – Зиверт обновленец, Ключев – старовер, противоречия между ними выше общих обид на власти. Как личность же, Зиверт явно не мог представлять интерес для Ключева ни по образованию, ни по другим качествам, тем более, что в Томске тогда была достаточно интенсивная культурная жизнь, и Ключев, несомненно, в ней принимал участие, с кем-то общался, но только не со священниками-обновленцами. Все эти бумаги – фальсификация. А Ключева, несомненно, пытали. Следует иметь в виду, что староверы воспитаны в соответствующем духе, они могут выдерживать страдания, этим и объясняется, что Николай Алексеевич был в духе тверд, никого не оклеветал и ни в чем не признался. Ведь даже гибель Есенина староверами воспринимается не совсем так, как другими верующими – они шли на самоожжение, то есть, отрицая самоубийство в принципе, все же были к нему готовы.

Слушая Леонида Михайловича, я вспомнил еще одну деталь дела ссыльного Ключева. В так называемом «меморандуме» – своеобразной анкете-характеристике, предназначенной для НКВД, есть вопрос №10: можно ли вербовать и для какой работы. Ответ спокойный: не рекомендуется. Записан этот ответ чернилами. А над этим ответом – нервная карандашная приписка: «Ни в коем случае!» Кто-то давно понял, с кем он имеет дело!

Быть может, в чем-то Леонид Михайлович не совсем прав – все же есть свидетельства, что в дом к Николаю Алексеевичу приходили какие-то священники, да и сам Ключев вроде бы не отрицал своего знакомства с Зивертом и другими священниками. Более того. Люди, не принимавшие советской власти и активно или пассивно проявлявшие это неприятие, не могли не тянуться друг к другу, не могли не объединяться (разумеется, совсем не в том смысле, о котором написано в обвинительных заключениях, составленных следователями НКВД). Добавьте к этому тогдашнюю, так сказать, топографию Томска. Почти весь город, особенно участки к востоку и северу от Воскресенской горы – именно здесь томские адреса Ключева, – был застроен деревянными домами и домишками, это была огромная деревня с деревенскими обычаями, с прогулками по засыпанному снегом или заросшим травой улочкам и переулкам, с сиденьем на лавочках и завалинках, с неторопливыми разговорами. Владимир Иванович Николаев, томский инженер-ядерщик, еще один добровольный исследователь и пропагандист творчества Есенина и Ключева, составил интереснейшую карту «ключевского Томска». На ней видно, как близко друг к другу расположены дома Ключева, Зиверта, Куклина, Григорьева. А Соколов жил вообще в одном доме с поэтом, об адресе Назарова я уже писал, Аристов – через дом. Не могли они не общаться!

Но в главном отец Леонид не ошибся: дело Ключева – фальсификация.

Быть может, надо бы теперь привести полностью, со всеми ошибками, опечатками и нелепостями текст уже упоминавшегося протокола последнего допроса Николая Ключева, но я ограничусь лишь четырьмя цитатами.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР в том, что вы являетесь одним из руководителей и идейным вдохновителем существующей в г. Томске контрреволюционной монархической повстанческой организации «Союз спасения России», в которой принимали активное участие, группировали контрреволюционный элемент, репрессированный Соввластью, на вооруженное восстание против Советской власти. Признаете себя виновным?

Ответ: Нет, виновным себя не признаю, ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, к свержению Соввласти не готовился.

Вопрос: Вас изобличают десять обвиняемых, активных участников к-р монархической организации, под тяжестью этих улик вы обязаны признать свое участие в к-р монархической организации.

Ответ: В к-р организации я не состоял.

Вопрос: Вы знаете учителя Мельникова Ивана в с. Мелехино?

Ответ: Да, знаю, меня в нем познакомил поп Соколов Яков.

Вопрос: Вы говорили Мельникову о скорой войне, что конец 1937 г. должен быть началом беспощадной борьбы и уничтожения коммунистов. Вы тогда говорили, что близится час, когда Япония и Германия придут к нам как наши освободители. Тогда вы предложили Мельникову вести активную работу по вербовке новых участников к-р организации и одобрили его за сделанную уже работу.

Ответ: Я это не признаю. У меня с ним в беседе могло быть выражено только недовольство на Соввласть, а что касается об организации, то я ему не говорил.

Вопрос: Вы изобличаетесь, кроме того, показаниями активных участников кадетско-монархической повстанческой организации: Голова Александра, Ивановского Петра Алексеевича, Успенского Александра Петровича и Иванова Павла Николаевича. Скажите, как вы с ними увязались как с участниками к-р организации?

Ответ: Я их знал хорошо, иногда встречался, они высказывали мне свои антисоветские настроения. Были ли они участниками к-р организации, мне известно не было.

Вопрос: Следствием вы достаточно изобличены, что вы можете заявить правдиво об организации?

Ответ: Больше показаний давать не желаю.

* * *

Сколько людей спас Клюев, отказавшись от показаний, от клеветы, от общения со следователями?

Тогда же Клюев подписал протокол о том, что «1937 года октября 9 дня мне, Клюеву Николаю Алексеевичу, сего числа объявлено, что следствие по моему делу закончено, с делом я знаком. Следствие попол. ничем не желаю».

Оставалось состряпать обвинительное заключение. В нем полно лжи, что читателю уже давно понятно, но самая гнусная все-таки добавлена крупным шрифтом, да еще и подчеркнута: «Клюев виновным признал себя частично».

Ну нету ни одной, даже самой липовой бумажки, из которой следовало бы это утверждение лейтенанта Великанова. Ни в чем Клюев виновным себя не признал! Однако, как учил академик Вышинский, доказывать вину в политических процессах не обязательно, достаточно признания, но его-то все же добиться следует! Вот Великанов и написал о частичном признании, чтобы далее иметь возможность сказать:

На основании вышеизложенного обвиняется Клюев Николай Алексеевич, 1870 года рождения, уроженец деревни Макеево быв. Кирилловского уезда Новгородской губ., происходит из крестьян, б/п, русский, гр. СССР, образование среднее, по профессии поэт-писатель, активный сектантский идеолог. В 1930 г. выслан из г. Москвы за контрреволюционную деятельность, отбывал в г. Томске, проживал без определенных занятий, в том что: является одним из активных участников кадетско-монархической повстанческой организации в Томском, Асиновском и других районах Запсибкрая, которые готовились к вооруженному восстанию против Советской власти, в кадетско-монархическую организацию был завербован в 1934 году одним из руководителей кадетско-монархической организации бывшим князем Волконским, являлся одним из близко стоящих к руководству кадетско-монархической организации,

по заданию руководства организации непосредственно осуществлял и направлял к-р деятельность духовенства и церковников, входивших в состав кадетско-монархической организации, писал клеветнические к-р сочинения, которые помимо распространения среди участников организации нелегально переотправлял за границу,

т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-2-10-11 УК РСФСР.

На основании изложенного Ключев Н. А. подлежит преданию суду.

Нач. 4 от. 3 от. У НКВД по ЗСК лейтенант госбезопасности (Пеликанов)

* * *

Суда не было, было заседание «тройки», и в деле подшит соответствующий документ.

Выписка из протокола №45/10

заседания тройки управления НКВД Новосибирской области

Слушали

65. Дело №12301 Томский ГО НКВД Ключев Николай Алексеевич, 1870 г. рождения, уроженец дер. Макеево быв. Кирилловского уезда Новгородской губ. Обвиняется в к-р деятельности.

Постановили

Ключева Николая Алексеевича расстрелять. Лично принадлежавшее ему имущество конфисковать.

выписка верна

Инспектор 8 отделения УКГБ УНКВД по Новосибирской области.

Далее – неразборчивая подпись.

И последний 119-й лист дела №12301 по обвинению гр-на Ключева Николая Алексеевича.

Выписка из акта

Постановление тройки УНКВД Запсибкрая от 13 октября 37 года о расстреле Ключева Николая Алексеевича приведено в исполнение 23-25/X мес. 1937 г. в « » час.

«Верно».

Подпись сотрудника оперштаба на этом документе тоже неразборчива.

* * *

Вот, пожалуй, и все, вернее, почти все, что удалось мне узнать о гибели в нашем городе большого русского поэта Николая Ключева, о трагическом финале его непростой, во многом путаной и противоречивой судьбы, финале, который он силой своего

поэтического дара предчувствовал еще только вступив на литературную стезю. Мудрый человек, народный философ, он в творчестве своем неоднократно обращался к думам о смысле жизни, о вечности, о смерти... Шипенье могильный змей... Безымянная могила... По камням двора пройду на плаху... Золой расписываясь: Клюев, я мертвецом иду в мороз...

А за восемнадцать лет до расстрела, отвечая поэтическим и политическим оппонентам, поэт сказал:

По мне пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью.
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою.

По Николаю Клюеву, действительно, не заплакали ни расформированные в тридцатые годы «Пролеткульт» и РАПП, ни сменивший их сталинско-ждановский Союз писателей. Да и в Смольном, увы, варилась уже совсем иная кутья. И в огне, на котором она варилась, горели и книги Клюева, и сам Клюев. День нынешний отделен от того лихолетья полувеком. Это еще не вечность, но многое уже расставлено по своим местам. Рукописи не горят. Не должна сгореть и память о «певце олонецкой избы», невольном земляке нашем, Николае Клюеве.

1991 год, Томск

Краткая библиография

В 1928 году вышла книга Николая Клюева «Изба в поле», а затем, в течение полувека, в СССР не было издано ни книг поэта, ни, тем более, произведений о нем. Начиная же с 1977 года в различных издательствах появились сборники Николая Алексеевича и работы, посвященные его жизни и творчеству. Отметим некоторые из них:

Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы, Л., 1977.

Клюев Н. А. Избранное, М., 1981.

Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы, Архангельск, 1986.

Клюев Н. А. Завещание, М., 1988.

Последний Лель. Проза поэтов есенинского круга, М., 1989.

Клюев Н. А. Песнослов, Петрозаводск, 1990.

Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Томск, 1990.

Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. М., 1991.

Азадовский К. М., Николай Клюев. Путь поэта, Л., 1990.

Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990.

Михайлов А. И. Пути развития новокрестьянской поэзии, Л., 1990.

